

ГБУК НСО «Новосибирская областная юношеская библиотека»
ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»
НГОПО Союза писателей России

Альманах

творческого социального проекта

Л и т К у р с

Молодёжные литературные курсы им. В. Зазубрина

г. Новосибирск
2020 г.

ГБУК НСО «Новосибирская областная юношеская библиотека»
ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»
НГОПО Союза писателей России

Альманах

**Творческого социального проекта
«Сибирские молодежные литературные курсы
имени В. Я. Зазубрина»**

г. Новосибирск
2020

ББК 83
А571

Составители: А.Б. Шалин
Т. Е. Сеницына

Ответственный за выпуск:
Т. Н. Терентьева

А 571 Альманах творческого социального проекта «Молодёжные литературные курсы им. В. Зазубрина» / ГБУК НСО НОЮБ; сост. Т.Е. Сеницына, А.Б. Шалин. – Новосибирск: ГБУК НСО НОЮБ, 2020. – 138 с., илл., фото.

Творческий социальный проект «Сибирские молодежные литературные курсы им. В.Я. Зазубрина» был реализован в период с сентября по декабрь 2019 года при поддержке министерства культуры Новосибирской области. Организаторами выступили Новосибирская областная юношеская библиотека, редакция журнала «Сибирские огни», Новосибирское отделение Союза писателей России.

В альманахе вошли советы опытных литераторов, впечатления педагогов и участников курсов, лучшие работы начинающих молодых поэтов и прозаиков. Издание адресовано всем, кто интересуется современной сибирской литературой.

ББК 84(2Рос)6

**Татьяна Евгеньевна
Синицына,
руководитель отдела
литературных программ
ГБУК НСО НОЮБ**

«Литературная школа – выход на новый уровень»

Творческий социальный проект
«Сибирские молодежные литературные курсы имени В. Я. Зазубрина»

Развитие школы литературного мастерства, в том числе творческих навыков молодых авторов – это одна из важных задач, которую ставят перед собой представители литературного сообщества в 2017 году на Областной конференции литературных объединений г. Новосибирска и Новосибирской области «Союз новаций и традиций в литературном пространстве». Такую конференцию Новосибирская областная юношеская библиотека проводит раз в два года.

По итогам конференции единогласно было принято решение:

1. Собрать информацию о литературных школах региона и провести областной круглый стол для руководителей «Литературная школа – выход на новый уровень».

2. Создать благоприятные условия для развития школ литературного мастерства.

Библиотека сделала очень много для решения данных задач, действуя совместно с координационным советом, организованным в рамках проекта «Литературная карта г. Новосибирска и Новосибирской области» для поддержки таких инициатив. В него вошли представители ведущих литературных организаций: Новосибирского отделения Союза писателей России, редакции журнала «Сибирские огни», Новосибирского отделения Совета молодых литераторов при Союзе писателей России (творческая мастерская ЛИФТ), а также руководитель проекта «Литературная карта», реализуемого на базе Новосибирской областной юношеской библиотеки.

В результате работы круглого стола «Литературная школа – выход на новый уровень», который был организован и проведен библиотекой в сентябре 2019 года в рамках международного фестиваля «Книжная Сибирь», были найдены механизмы активизации и развития литературных школ, а также представлены крупные проекты, связанные с повышением литературного мастерства. Именно тогда участникам круглого

стола был представлен новый творческий социальный проект «Сибирские молодежные литературные курсы им. В. Я. Зазубрина».

Возникает вопрос: почему школа получила своё название именно в честь Владимира Зазубрина?

Во-первых, это достойный писатель, написавший роман «Два мира», высоко оцененный Владимиром Лениным и Максимом Горьким.

Во-вторых, Владимир Зазубрин на протяжении пяти лет был «председателем Сибирского союза писателей».

Но гораздо примечательнее то, что он еще в пятом классе организовал нелегальный ученический журнал «Отголоски». А когда возглавлял журнал «Сибирские огни», фактически участвовал в становлении советской литературы в Сибири. В этот период он учил молодых литераторов премудростям писательского мастерства. Много ездил по региону, стягивая для работы в журнале писателей и поэтов со всей Сибири.

Организаторы нынешних «Литкурсов», в некотором роде подражая Зазубрину, взяли за похожую задачу.

Главная цель этого проекта – создание благоприятной среды для развития творческого потенциала юношества в сфере литературного творчества.

Проект был реализован совместно с координационным советом в период с сентября по декабрь 2019 года при поддержке министерства культуры Новосибирской области.

В рамках проекта был проведен отборочный областной литературный конкурс. В конкурсе приняли участие около 300 молодых авторов в возрасте от 14 до 18 лет из 30 муниципальных образований Новосибирской области, включая г. Новосибирск. По итогам конкурса членами жюри были выбраны 30 лучших конкурсантов для участия в курсах. Победителями стали ребята из г. Новосибирска и одиннадцати районов области: Коченевского, Колыванского, Тогучинского, Венгеровского, Искитимского, Доволенского, Черепановского, Барабинского, Сузунского, Ордынского и г. Оби.

27 октября 2019 г. в Новосибирской областной юношеской библиотеке состоялось торжественное открытие «Сибирских

молодежных литературных курсов имени Владимира Зазубрина».

Поприветствовать ребят и сказать им напутственные слова пришли писатели-преподаватели и представители от всех организаций, которые участвуют в реализации данного проекта, а также специалист отдела культурно-досуговой деятельности

и народного творчества министерства культуры Новосибирской области Людмила Александровна Бричеева.

Украшением праздника стали выступления мастеров литературного творчества: Геннадия Прашкевича, Павла Куравского и Марии Дубиковской.

Василий Иванович Кузин покориł ребят чтением отрывка «Моцарт и Сальери» из цикла «Маленькие трагедии» А. С. Пушкина.

В ходе праздника ведущие и организаторы знакомили ребят с правилами учебного процесса.

Реализация «Литкурса» включала два этапа. Первый этап проходил в библиотеке. Один раз в неделю для пишущей молодёжи проводились общие лекции с интерактивными элементами по филологии, культурологии и философии. Эти занятия позволили ребятам по-новому взглянуть на литературу, культуру и свое восприятие мира и, по словам слушателей, помогли расширить их сознание.

Семинары по литературному мастерству проходили тоже еженедельно, но в разных аудиториях одновременно для трёх групп – двух поэтических и одной прозаической.

Для проведения лекций, семинаров и мастер-классов были привлечены известные поэты и писатели, а также высококвалифицированные специалисты в области культуры и литера-

туры: заслуженный работник культуры РФ, мастер современной прозы, писатель, поэт и переводчик Геннадий Прашкевич; писатель, редактор журнала «Сибирские огни» Михаил Щукин; кандидат философских наук, ректор Новосибирского государственного театрального института Василий Кузин; кандидат филологических наук, директор центра гуманитарного образования «Открытая Кафедра» Наталья Ласкина; писатель, автор популярных романов в жанре фантастики Вячеслав Шалыгин; автор идеи курсов, поэт, директор Областного центра русского фольклора и этнографии Евгений Бабилов; филолог, поэт и переводчик Мария Дубиковская; поэт, редактор отдела общественно-политической жизни журнала «Сибирские огни» Дмитрий Рябов; поэт, сотрудник журнала «Сибирские огни», руководитель Новосибирского отделения Совета молодых литераторов при Союзе писателей России творческой мастерской ЛИФТ Кристина Кармалита; поэт, журналист, со-руководитель творческой мастерской ЛИФТ Павел Куравский.

Уникальная возможность познакомиться с мастерами слова и настоящими литературными мэтрами приводила участников курсов в восторг: «Это так замечательно, что появились ли-

тературные курсы им. В. Зазубрина. Здесь можно получить действительно бесценный опыт как в сфере писательства, так и в сфере литературы. Преподаватели лично меня подняли на новый уровень. Эти люди не только учили, но и вдохновляли на работу и старания. Благодаря курсам я четко поняла, что хочу продолжать писательскую деятельность и теперь четко знаю свое направление.

Эти курсы еще интересны из-за общения с образованными, уважаемыми людьми находящимися здесь...»

Ребята из дальних районов области, которые попали в «счастливую тридцатку», но не могли регулярно приезжать на лекции и семинары, получили возможность дистанционного участия: была создана специальная закрытая группа в социальной сети ВКонтакте для участников проекта, где систематически выкладывались видеозаписи всех лекций и семинаров. Просмотрев запись, ребята выполняли домашние задания и отправляли их кураторам для проверки и обратной связи.

Второй этап начинался с шестидневной выездной сессии в санаторном оздоровительном центре «Березка». В лагере у ребят была уникальная возможность погрузиться в творческую атмосферу литературной жизни, а также раскрыть в разных направлениях потенциал собственного творчества.

«Поэт в России – больше, чем поэт», – согласны с Евгением Евтушенко организаторы проекта, поэтому несмотря на то, что слушатели курсов еще совсем молоды, в программу было включено достаточно много серьезных просветительских ме-

роприятий: интерактивная лекция «Литература как способ самосохранения нации»; презентация журнала «Сибирские огни»; лекция «Новосибирские “шестидесятники”», на которой ребята познакомили с биографией и творчеством поэтов и писателей знаменитого литературного объединения Ильи Фоминского, и другие. Ребята в своих отзывах писали: «Литкурсы научили меня не просто любить литературу, а обожать ее всем своим существом. Благодаря проекту мне захотелось, наконец-то захотелось, читать литературу всех времен и направлений. А также стала интересна биография других поэтов. Меня научили легко воспринимать жизненные повороты, научили грамотно излагать свои мысли, стремиться выучить грамматику и пунктуацию. Также мне, как выяснилось, не хватало смелости выступать перед обученной публикой. И пусть все это будет несколько банально, но если бы не литературные курсы В. Я. Зазубрина, я бы не начала новую жизнь...»

На семинарах с молодыми дарованиями профессионально работали мастера своего дела: писатель и драматург из г. Ангарска Игорь Корниенко; писатель, поэт, публицист, редактор отдела «Проза» журнала «Сибирские огни» Лариса Подистова; упомянутые выше Дмитрий Рябов, Кристина Кармалита и Павел Куравский.

Они не только проводили с ребятами многочисленные семинары и мероприятия, но и оказывали индивидуальную кон-

сультационную помощь каждому из участников по повышению уровня и качества их творчества, давали рекомендации по работе с прозаическими и поэтическими текстами. «Все прекрасно! Я благодарен Литкурсам за их большой вклад в каждого из нас!» – благодарили ребята.

Конечно же, в лагере не обошлось без гостей. Участники

курсов встретились с известным сказочником Владимиром Шамовым, который увлекательно рассказывал о краеведческих сказках, вовлекая ребят в совместный творческий процесс создания особой, волшебной и таинственной истории родного края.

Вновь встретились слушатели курсов с редактором журнала «Сибирские огни» Михаилом Щукиным, который познакомил их с биографией и творчеством легендарного Владимира Яковлевича Зазубрина и поговорил о литературе и тесном пересечении ее с краеведением.

Артист «Первого театра» Владимир Казанцев познакомил ребят с законами сценической речи и показательно, на практике, проработал с некоторыми из молодых авторов чтение их произведений со сцены.

Важную роль в создании благоприятной атмосферы сыграли, конечно, неформальные мероприятия. Это и громкие читки с бурными обсуждениями перед сном, дружное пение под гитару, создание командных стенгазет, просмотры фильмов с последующим обсуждением, нестандартное мероприя-

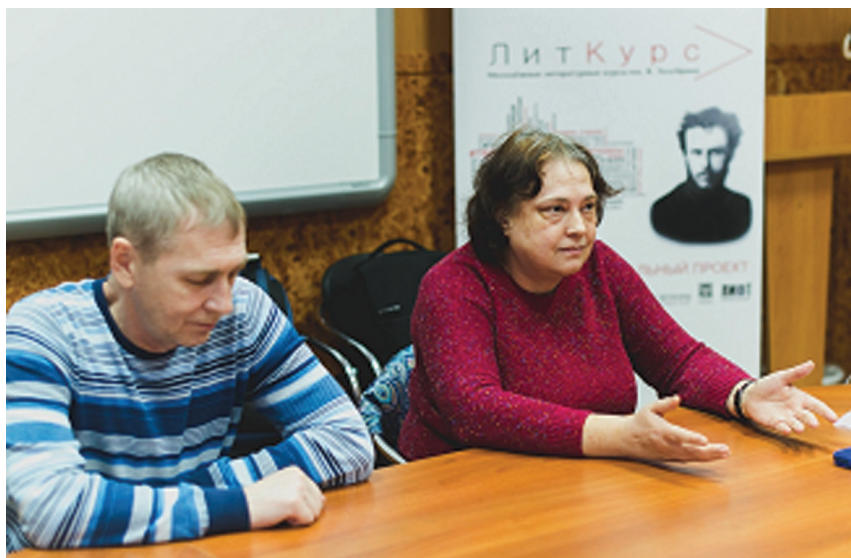

тие «Пан-клуб» и другая веселая поэзия», футбол на снегу и многое другое.

Творческий вечер-встреча с поэтом и переводчиком Ма-

рией Дубиковской особенно запомнился ребятам, потому что прошел очень весело и непринужденно. Мария рассказывала о загадочном литературном проекте «Сестры Карамазовы» и читала стихи. Она покорила ребят своей неординарной юмористической поэзией и заразила игрой слов. Позже Мария приняла участие в слэме между преподавателями курсов, в котором заняла первое место. Слэм проходил очень увлекательно и еще ярче раскрыл личности преподавателей для ребят.

Разнообразные слэмы проходили каждый вечер: кроме «преподавательского», были еще поэтически-прозаический слэм собственных произведений, слэм любимой литературы и другие. Эта форма очень понравилась ребятам, они участвовали с большим азартом, учились выигрывать и проигрывать с достоинством. В итоговом четвертом слэме двенадцать финалистов боролись за первое место. Страсти кипели! Битва была достаточно жаркая, но доброжелательная. Первое место занял Аркадий Забелин из г. Новосибирска. Об эмоциональном накале ребята писали:

«Единственное, о чем я жалею сейчас, после прохождения

через огонь, воду и медные трубы литературных курсов, это то, что они заканчиваются...»

«Литкурсы им. Зазубрина дали мне огромное количество новых знаний, действительно важных новых знакомств. Они дали мне выйти за рамки зоны своего комфорта».

Для творческого человека очень важен эмоциональный интеллект и коммуникативные способности, поэтому к слушателям курсов пригласили профессионального психолога Елену Пенкину, которая протестировала ребят и написала индивидуальные рекомендации по развитию личности в этих направлениях для каждого из них.

Прочтение двух произведений о школьниках: повести Владимира Злобина «Отец лжи» и повести Игоря Корниенко «Мырма» вызвало многочисленные споры и дискуссии среди учеников. Когда преподаватель Лариса Подистова приподняла завесу тайного замысла автора «Отца лжи», услышанное стало для них открытием. В спорах проявлялись яркие личности. Ребята жарко отстаивали свою точку зрения и проводили параллели с жизненными ситуациями. «...Особо хочу отметить атмосферу занятий, на которых приветствовалось «живое»

общение, спасибо отдельное всем лекторам, которые занимались нами, доносили знания, а также критиковали. То, что хотел достичь благодаря курсам, я достиг. Получил большой опыт, даже в какой-то степени развился в плане личности».

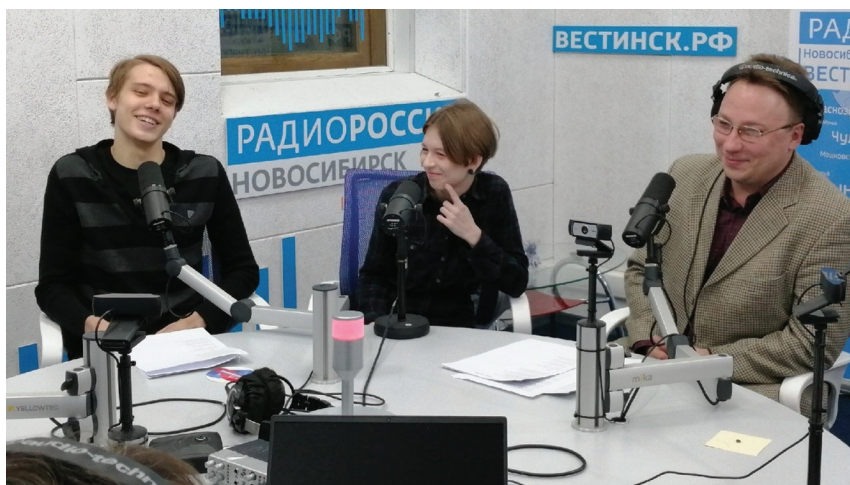

Закрытие проекта проходило в теплой и дружественной атмосфере. Все участники курсов получили сертификаты о прохождении обучения литературному мастерству в объеме 106 часов и сувениры на память: флешки, футболки и авторучки с логотипом проекта. Финалисты различных конкурсов, проходивших в рамках проекта, получили дипломы и дополнительные призы – электронные книги. Призерами стали: Екатерина Богданова (поэзия) из г. Искитима, остальные из г. Новосибирска: Владислав Никулин (проза), Софья Василец (поэзия) и, как мы уже писали выше, Аркадий.

Молодые таланты самостоятельно подготовили сюрприз преподавателям и выступили с ответным словом. Они хором спели песню собственного сочинения и подарили на память организаторам плакат в виде сердца со словами благодарности и признания.

«...Это прекрасное мероприятие познакомило его участников друг с другом, помогло узнать, какие люди вот-вот готовятся войти в мир литературы, что было очень интересно и важно для меня. Но еще интереснее было познакомиться с нашими мэтрами, гуру прозы и поэзии. Это действительно бесценный опыт, даже если не считать того объема знаний, полученных на практических занятиях и лекциях. Я искренне надеюсь, что проект «ЛитКурс» на этом не закончится и в дальнейшем будет только набирать обороты».

«Курсы им. В. Зазубрина положительно влияют на творческий рост поэта и прозаика. На этих курсах я научилась многому, начиная с техники написания стихотворения, заканчивая стилями и видами. Опыт преподавателей, их рассказы о своем и чужом творчестве благоприятно повлияли на мое мировоззрение на литературу. Истории преподавателей сподвигли меня развивать в себе это творческое начало».

Судя по этим и многим другим отзывам можно смело сказать, что участники курсов приобрели новые для них знания и навыки, получив возможность обучиться мастерству у ведущих литераторов, филологов и философов региона, завязали новые литературные контакты.

Деятельность участников проекта активно освещалась в СМИ. Организаторы, преподаватели и ребята участвовали в пяти радиопередачах на «Радио России» и «Радио 54».

По итогам проекта готовятся к выпуску альманаха и сборник лучших работ финалистов конкурса. Все материалы будут распространены среди участников курсов и поступят в библиотеки Новосибирской области.

Созданы цикл видеоуроков лучших литераторов Новоси-

бирской области и отчетный ролик о проекте. Собрано около 70 положительных отзывов и анкет, которые очень порадовали организаторов.

«Литературные курсы им. Зазубрина дали мне бесценные знания, которые, безусловно, мне пригодятся в будущем. Лично я считаю, что этот проект является шикарным стартом в жизни молодых литераторов. Ведь важно, нет, бесценно важно, готовить и выращивать будущее, литературное будущее России...»

Желаем всем участникам проекта продолжать повышение литературного мастерства и, конечно же, как можно больше читать! Гениальный писатель – это, прежде всего, активный читатель!

«Зубры»
и
«Зазубринки»

Советы
и
впечатления
сибирских
литераторов

Впечатления сибирских литераторов

Интервью со специалистами журнала «Сибирские огни»:

Завершился проект «Сибирские молодежные литературные курсы имени Владимира Зазубрина». Его главными организаторами выступили Новосибирская областная юношеская библиотека и редакция журнала «Сибирские огни». О том, как проект появился, о его участниках и итогах мы поговорили с представителями «Сибирских огней» – главным редактором журнала Михаилом Щукиным и редактором отдела общественно-политической жизни Дмитрием Рябовым.

Прозаик,
главный редактор журнала
Михаил Щукин

Поэт, редактор отдела обще-
ственно-политической жизни
журнала
Дмитрий Рябов

Здравствуйте, Михаил Николаевич, Дмитрий Геннадьевич. Расскажите, пожалуйста, кто же автор идеи. Кто придумал эти курсы?

Дмитрий Рябов: Евгений Бабилов был первым. Именно он предложил идею литературных курсов. Это потом уже возникло «имени Зазубрина».

Изначально рассчитывали на год: в сентябре набираем, а потом, летом – лагерь. Даже подумывали о том, чтобы сделать нечто вроде «ВЛК» – высших литературных курсов, как в Москве, они были двухгодичные. И думали такой вот непрерывный цикл запустить, такой мини-литинститут.

А почему курсы стали «имени Зазубрина»?

Дмитрий Рябов: Отвечу вопросом на вопрос: а имени кого?

Да хоть Пушкина!

Михаил Щукин: Дело в том, что Новосибирск и сам имеет богатейшие литературные традиции. Здесь работали замечательные прозаики, замечательные поэты. Нам есть чем гордиться в литературном творчестве. Но, к сожалению, в связи со «смутными временами» имена были утрачены, память была утрачена, книги не переиздавались, была прервана традиция. Это очень плохо. И новое поколение стихотворцев, прозаиков, входя в литературу, искренне считает, что они здесь появились первыми: «Вот на это поле, где ничего не росло, где все было покрыто травой забвения, пришли мы и начали творить». Но всякое дело должно иметь навыки. Навыки изучения того, что было до тебя. Поэтому мы на курсах еще и рассказываем о том, что было в истории нашей, сибирской литературы.

Дмитрий Рябов: Да, Михаил Николаевич на одном из занятий с ребятами как раз рассказывал им о Зазубрине, чтобы они тоже понимали, почему именно «его» курсы. Идея-то в чем? В том, чтобы не смотрели особенно на литинститут имени Горького, который – вещь хорошая, но это Москва. Люди уезжают и остаются там. А здесь кто будет писать? Тем более это если в советское время, чтобы стать знаменитым, надо было ехать в Москву, в издательства и так далее. А сейчас есть интернет, все издательства работают по интернету. Так что писатель может жить здесь. Он нам нужен тут, в Сибири, в городе! Это мое искреннее мнение. Я бы всех сибиряков назад вернул, чтобы тут писали.

Вы упомянули о занятии. Расскажите вкратце, что на нем было?

Михаил Щукин: Занятие, которое проводил я, было посвящено судьбе одного из организаторов журнала «Сибирские огни», который был «собирателем литературных сил Сибири» и вообще знаковой фигурой в советской литературе – автором первого советского романа «Два мира» – Владимире Яковлевиче Зазубрине. И я ребятам в силу своего разума и возможностей рассказал о его творческой судьбе, о его трагичной личности, чтобы они представляли, что за человек был в нашей литературе, в нашей новониколаевской, новосибирской жизни.

А вообще, как думаете, не рано детей собирать на писательские курсы?

Михаил Щукин: Я считаю, не рано. Вспоминается исторический случай, как отец Дмитрия Мережковского читал малолетнему сыну Достоевского. Если же обратиться к опыту нашей русской литературы, вспомним, когда были написаны первые стихи Сергея Есенина или Михаила Юрьевича Лермонтова. Они были написаны именно в юном возрасте. И еще, что касается поэзии. Поэзия – это дело и удел молодых. Вся русская поэзия в своем большинстве – это поэзия молодых, когда чувства обострены, когда хочется постигнуть мир, сказать ему свое слово, а потом потихоньку перейти на прозу и на мемуары.

И все же, разве студенты не лучше подходят для обучения?

Дмитрий Рябов: У нас было несколько студентов. Но если брать людей после 20–25 лет или после 30 и начинать их чему-то учить – это уже бессмысленно. Там уже научить мало чему можно. Если человек к 30 годам еще только учится стихи писать, то толку с него не будет. Потому что, как правило, лет в 40 стихи надо заканчивать писать, их время кончается. Там проза начинается или что-то другое. Поэтому и подростки. Основной-то вопрос – в школьном образовании. И

чем раньше человеку начать объяснять, что такое сонет, что такое амфибрахий, дактиль – какие-то определяющие вещи, то, условно, начав учить поэта в 15, мы можем получить его в 20. Начав его учить в 25, мы поэта получим в 30, когда он уже, собственно, не особенно и поэт будет, так... Поэзия – это дело молодое, яростное, страстное. А у нас некоторые 30-летние поэты пишут так, будто сразу глубокими стариками родились – сплошное нытье и невнятное бормотание. С прозой, конечно, сложнее. Я не говорю про наших обучающихся, они страшно талантливые, но вообще 14-летние прозаики, или 15-, или 17-летние – это вещь сомнительная.

Ага, получается, что любой поэт – это потенциальный прозаик?

Дмитрий Рябов: По сути, да. Потому что хорошая проза, она подразумевает в себе поэзию. Поэзия – это же не только рифма, это образ и эмоция. А хорошую прозу образ и эмоция тоже отличают. Просто поэзия – она более такой... короткий вариант. Раз, выплеснулась, и все. Поэтому она более юношеская. Некогда! Некогда сидеть и долго писать повесть в семьдесят страниц о любви! Гораздо проще написать стихотворение. А уже потом люди садятся и ПИШУТ. Ну вот, тот же мой любимый Гумилев говорил, что лучшие драматурги выходят из поэтов, потому что поэт уже изначально научился говорить кратко, ясно, эмоционально. А дальше уж в драматургии это или в прозе применять – это, в общем, неважно.

Ребята занимались сначала в библиотеке два месяца. Ходили на лекции, занятия. О чем были лекции?

Дмитрий Рябов: Общеразвивающие, без чего литература тоже не существует. Чтобы второй раз не изобретать велосипед, нужно знать, что было до тебя, нужно знать вещи соприкасающиеся. Например, хорошо бы, помимо литературы и истории литературы знать историю живописи, историю музыки. Что-то о композиторах, о художниках, направлениях, школах и так далее. Потому что на самом деле все взаимосвязано. Существует такой термин «Zeitgeist», дух времени. Не только в

литературе. Он отражается в живописи, в музыке, в скульптуре. И все произведения, как правило, одного отрезка времени, они этим «духом времени» объединены. И для того чтобы понимать условную эпоху Возрождения литературы, надо знать, какая там была живопись, скульптура, музыка. Примерно так.

Занимались-занимались, разбирали свои тексты, слушали лекции, узнавали разные формы... А зачем было ехать в лагерь?

Дмитрий Рябов: Вот действительно. У меня тоже этот вопрос. Потому что холодно ведь.

Нет, ну серьезно. Там же тоже были занятия. И в чем прелесть именно выезда, если она есть? Почему на совещание сибирских авторов тоже выезжают куда-то? Почему важно уезжать куда-то и проводить уединенно, в чем-то даже аскетично, в своей «тусовке» определенное количество времени?

Дмитрий Рябов: Это, в общем, и есть ответ на этот вопрос: уединенно, аскетично. Для того чтобы как раз хоть на какое-то время отключиться от внешних раздражителей. Потому что здесь, в Новосибирске, человек пришел, лекцию послушал, и опять – большой город, дом, другие люди, родители. Это все не плохо, просто немножко отвлекает. А в лагере они живут и находятся в среде себе подобных. А это очень важно – общение внутри их среды. Всегда, хоть с взрослыми литераторами, хоть с маленькими. Вот они вышли с семинара, они не по троллейбусам разбежались, а вместе пошли в столовую, по дороге продолжили обсуждать, в столовой продолжили обсуждать. Они все время в этом варятся, и это важно. Именно для того, чтобы устроить такую плотную среду, непрерывное общение.

У вас не сложилось впечатления, что дети вообще литературы не знают?

Дмитрий Рябов: Сложно сказать. У нас с ними разный багаж в силу разницы в возрасте. И я сейчас не очень хорошо могу вспомнить, какой у меня в их возрасте был багаж. В общем,

не сложилось такого ощущения, что они не знают литературы. Может быть, они просто знают чуть-чуть другую литературу, которая нам кажется не литературой. Потому что они читают достаточно много. Не Чехова и Достоевского, а фантастику, например. Но это, опять же, не вина людей. Может, им про Достоевского не рассказали, а может, Достоевского рано еще. Вообще я давно уже говорю эту крамольную мысль – а стоит ли заставлять детей это читать? Потому что это писали взрослые люди для взрослых людей. А мы сейчас пытаемся детей заставить это читать и удивляемся, когда они говорят «А мне неинтересно». Ну конечно, ему неинтересно.

Было ли целью пробудить интерес вообще к литературе?

Дмитрий Рябов: По большому счету, цель тайно и была такой. Потому что научить писать ни за два месяца, ни за шесть дней в лагере нельзя. Ну, просто нельзя, потому что это невозможно. Вообще человека научить писать невозможно. Он либо умеет, либо нет. Хоть 50 семинаров проедет – писать не научится. Поэтому именно научить писать – цели не было. Помочь, что-то рассказать – да. И мы все им часто говорили: писатель в первую очередь отличается тем, что он читает больше, чем его читатель. Писатель должен много читать.

Какие у вас остались впечатления от участников литкурса?

Михаил Щукин: Самое главное, что я понял, знакомясь с ребятами, их первыми литературными опытами и беседуя с ними, – нам удалось в какой-то степени пробудить в них интерес к литературному творчеству. Второе, что очень радует – глаза у ребят живые. Для них это не какая-то «обязаловка», это не желание получить грамоту или призовое место, а желание постигнуть то, что мы пытаемся до них донести. Я сделал вывод, что в большинстве своем в своих творческих опытах ребята зачастую одиноки. Им некому свое творчество показать, они варятся в собственном соку. А эта душа, которая пытается нащупать тропинки в нашей сложной жизни, она взыскует о

том, чтобы это слово, эти чаяния, эти чувства были услышаны. И здесь, я считаю, они были услышаны. И не только нами, руководителями, но и, прежде всего, сотоварищами.

Какую особенность именно этих литературных курсов вы бы отметили?

Дмитрий Рябов: Люди, расставаясь, плакали. Я такого на взрослых курсах не видел.

Стоит ли проводить такие литературные курсы ежегодно?

Дмитрий Рябов: Конечно, стоит. И стоило бы это сделать, как я говорил в начале, двухгодичными курсами. И при курсах завести какой-нибудь журнал или альманах, чтобы молодежь эта в нем публиковалась. Из этих ребят, учеников, обязательно возникло бы какое-нибудь ЛИТО. Появилось бы такое юное литературное ядро.

Как вы считаете, полезно ли было для ребят участие в курсах?

Михаил Щукин: Несомненно. И я почему-то уверен, что здесь они обретут дружбу, что эта их соединенность останется на долгое время. И надеюсь еще, что у самих литературных курсов имени Владимира Яковлевича Зазубрина будет большое будущее в необозримом времени. Искренне желаю, чтобы все это случилось.

*Новосибирск
январь 2020*

Геннадий Прашкевич
*Заслуженный работник
культуры РФ, мастер
современной прозы,
писатель,
поэт и переводчик*

Воспоминания о будущем

Областная юношеская библиотека давно овладела секретами машины времени. В ее стенах можно встретиться с людьми из давно минувших военных лет, в ее стенах постоянно и неумоимо, как пчелы, жужжат молодые люди из будущего. Писателями на нашем нынешнем семинаре оказались они – постоянно и неумоимо жужжащие.

Апасов Иван (15 лет, Тогучин, село Юрты),
Басаргина Александра (17 лет, Искитим),
Ватутина Анжелика (16 лет, Черепаново),
Крумбова Фируза (15 лет, Барабинск),
Стебина Кристина (15 лет, Коченево)
Шевченко София (15 лет, Ордынка, село Вагайцево),
Гринимайер Виктория (17 лет), Кузьмина Ангелина (17 лет), Никулин Владислав (15 лет), Щепетова Софья (17 лет) и Редкозубов Георгий (17 лет) – все из Новосибирска.

Вот все эти юные писатели из неведомого мне будущего сидели за длинным столом, и я внимательно всматривался в их лица, в их глаза. Понятно, они еще не написали замечательных повестей и романов, зато у них есть будущее, это неоспоримо.

И есть рассказы.

«В моем далеком детстве, когда я была еще ребенком...» — так начала свой рассказ Вика Гринимайер. И это прозвучало очень искренне, очень понятно. Разумеется, в ее годы детство кажется далеким.

«Потом в четвертом классе нам дали задание написать сказку, в которой будет животное и растение. Это был первый рассказ, который я написала на бумаге и даже напечатала. Для меня было достижением не то, что я получила сразу две пятерки за него, а то, что я это сделала. Когда все было готово, я смотрела на рассказ очень долго, любуясь своим трудом. Как будто я перекопала большой земельный участок или приготовила свадебный торт без посторонней помощи. Я вдруг поняла, что писать могу, но не хватает чего-то: опыта, учителя, может еще чего-то. Не может быть, чтобы в большом городе Новосибирске не нашлось писателя, который бы захотел обучать детей мастерству. Я стала упрашивать маму поискать что-то такое в интернете. Вы не поверите, она согласилась, и мы вместе искали курсы для меня. Нашли, только я по возрасту не прошла, пришлось ждать целый год».

Вика дождалась того, чего хотела.

Подтверждаю: читать ее рассказы интересно.

«В клетке лежала бедная мышка, по ее виду было видно, что ее больше нет». Вот попробуйте-ка вы написать так! Или: «Готы не плачут и не думают о добре этого мира». Честно говоря, именно с таких фраз и начинается то, что можно называть настоящей литературой.

Рождественский, да-да, самый настоящий рождественский рассказ написала Кристина Стебина. Рассказ ее полон ожида-

ния чуда. Повсюду мигают праздничные огоньки, идет медленный снег, все кажется таким умиротворенным, что хочется только взять какао, укутаться в плед и любоваться морозными цветами на оконном стекле, ожидая главного гостя – Деда Мороза.

В своих рассказах Кристина – дома.

«Я создала для себя идеальный мир, полный волшебников и необычных друзей. Там был очень чуткий и заботливый отец, которого мне всегда не хватало, добрые отзывчивые учителя и великое множество великолепных людей, с которыми мне было бы так приятно общаться в реальной жизни. Водопады, скалы, птицы, я наконец-то нашла свое место. Я создала себе мир, в котором мне действительно хотелось жить, плевать, что понарошку».

У каждого этот мир свой.

Георгию Редкозубову хочется написать о своем прадеде, воевавшем в годы большой страшной войны, Ангелине Кузьминой видится совсем другое. Она всерьез убеждена в том, что самое необыкновенное место вдохновения и комфорта – всегда рядом.

«Мое самое укромное место – это место под кроватью. Именно там я ощущаю идиллию и защиту. Все проблемы, все унылые мысли растворяются. Я могла бы часами проводить там время, рисуя новых персонажей или рассматривая картинки из книг. Так повелось с самого детства. Мы с папой забирались под мою детскую кроватку и читали книжки. Я вслушивалась в каждое слово и чувствовала себя будто в цитадели, сквозь стены которой не может проникнуть ни одна обиженка, ни одна грустинка. Правда, в возрасте шести-семи лет я вдруг вообразила какого-то кроватного монстра, который, как мне казалось, хотел меня съесть. Фантазия росла вместе с возрастом, но однажды мне пришла в голову мысль об общении. И с того времени мы находимся с монстром в дружеских отноше-

ниях. Теперь мне не страшно, ведь мы вместе листаем книжки и рассматриваем мои старые альбомы. Он охраняет мои сны и служит отличным собеседником, который во всем меня поддерживает. Меня пугает только одно: я расту, а кровать становится маленькой. Когда-нибудь мне придется насовсем распрощаться с моим кроватьным монстром, но он обещал хранить мои тайны и остаться преданным».

Настя Титова тоже пишет о дружбе.

И Анжелика Ватутина целеустремленно ищет себя.

«К писательству меня подтолкнули не книги, хотя иногда вдохновляют некоторые произведения. Бывает «и грустно, и скучно, и некому руку подать», а напишешь об этом рассказик, легче становится. А иногда снятся такие сны, что не хочется забывать. Но знаете, есть то, что я хочу написать больше всего. Это автобиография, и не потому, что я такая молодец и замечательная, а для того, чтобы мои будущие дети, внуки и более дальние поколения знали, какая я была. Мы ведь почти ничего не знаем о своих предках. Так что не знаю, буду ли я в будущем писать романы и повести, но точно напишу биографию, возможно даже о своих близких людях напишу, ведь самое ценное в этом мире – память».

Я слушал гостей из будущего, вчитывался в их слова.

«Почему я пишу. Вопрос, такой сложный и такой простой одновременно, – это уже Владислав Никулин. – Я пишу потому, что мне нравится писать. Поэтому вопрос предельно прост. Но все же он невероятно сложен, ибо «потому, что мне нравится» – не ответ. Я пишу потому, что хочу чувствовать, как играет воображение. Ощущать каждым волоском на теле, каждым участком кожи, как тебя уносит туда, где границы определяешь ты сам. Переполняться этим. Я пишу потому, что хочу поделиться этим чувством. Не дать ему кануть в лету вместе с остальными. Но дать ему расцвести в сердцах людей. Мне всегда говорили, что у меня нет амбиций, и я верил этому.

Но сейчас, склонившись над этими строчками, понимаю, что все мои амбиции здесь. Кто-то может сказать, что пафос в ответе на такой вопрос излишен. Кто-то сказал бы, что он даже вреден. Но я считаю, что здесь ему самое место. Ведь на то и нужны писатели».

А вот Софья Щепетова.

«В детском саду я была жуткой плаксой, которая боялась всего: собак, грозы, высоты, глубины, других детей. Родители решили, что с моими слезами пора заканчивать, и отдали меня на занятия по тхэквондо». Чего же удивляться решительным словам? «Ну, вот почему я пишу? Я не знаю, почему я пишу? Если бы могла ответить на это, я бы ответила. Но я не могу. У меня просто такая потребность. С этим ничего не сделаешь. Хочу – пишу, не хочу – не пишу. Я вот хочу».

А вот что говорит по этому поводу Иван Апасов.

«Почему мне хочется писать? Дать четкий ответ я не могу, потому что еще не до конца определился, хочу ли я писать вообще. Но все же что-то в этом есть. Литература – это один из способов выразить то, что чувствует душа, по моему мнению. Я довольно разносторонний человек, и вряд ли именно литература главное для меня, просто литература тесно связана с моей душой, точнее с тем, что я хочу увидеть и воплотить в жизнь. Она просто может быть дополнением к другому делу».

И это очень верно.

Ведь речь идет о культуре.

Наши библиотеки всегда были и, надеюсь, навсегда останутся самым верным и надежным оплотом культуры. Они любому человеку помогут встретиться с теми, кто, как они, заинтересован в будущем своих детей, кто понимает, что без культуры (а литература – важнейшая ее составляющая) жить попросту скучно. Я даже рассказал нашим курсистам один случай из своей собственной ранней жизни. Однажды, томимый неистовой жаждой приобщения к литературе, я решил

позвонить по телефону знаменитому писателю Ивану Тургеневу. Мои юные годы это позволяли. Я жил тогда в далекой провинции, только что прочитал рассказ «Муму» и был очень недоволен рассказом. Ну как это, думал я. Почему этот тупой Герасим утопил собачку, а не саму привередливую барыню? В телефонной книжке нашего соседа-машиниста я нашел фамилию Тургенев (чудо – это же очень просто). Так я и решил: живет знаменитый на весь мир писатель именно у нас – на железнодорожной станции Тайга. И смело набрал номер. Мне ответил женский голос. «Ивана Сергеевича? Ты звони вечером, мальчик, он сейчас на дежурстве в вагонном депо».

Вот вам и сказочное, и реальное.

И ничто не отвергает одно другого.

Я верю в талант всех наших курсистов. Ведь наши курсы – это прямое приобщение к культуре. При этом я очень хочу, ребята, увидеть ваши собственные успехи. А они невозможны без постоянной работы. Читайте больше. Пишите больше. Я жду книг. Именно ваших книг. Торопитесь! Ведь мне уже семьдесят восемь.

*Новосибирск
январь 2020*

Советы сибирских литераторов

Анатолий Шалин
*прозаик, председатель
правления Новосибир-
ского отделения Со-
юза писателей России»
(НГОПО Союза писате-
лей России)*

Основные принципы художественного литературного творчества

Искусство, в том числе и литература как вид искусства, предполагает, что человек, посвятивший себя тому или иному виду искусства, становится со временем искусным, то есть мастером в избранной им области. И в этом, увы, одним врожденным талантом не обойтись. И гениальные живописцы, и композиторы, и музыканты, и скульпторы, и архитекторы, оставившие заметный след в истории мирового искусства, много и упорно учились своему мастерству. Никколо Паганини, к примеру, вообще утверждал, что «Талант не требуется, все, что нужно, – это настойчивость и старания». Иными словами, достаточно грамотно обучиться мастерству в том или

ином виде искусства. И в этом вопросе с Паганини вполне можно согласиться, однако учитывая одно немаловажное обстоятельство: к обучению у ученика тоже должен быть хоть какой-то талант или способность, а у обучающего мастера тоже должны быть способности к передаче своих умений, навыков ученикам.

А вот с этим, с педагогическими талантами и талантом к обучению, все обстоит совсем не просто. Мастер может быть вполне, стопроцентно гениален в своем мастерстве, а вот передать эту свою искусность ученику, даже способному и талантливому, затрудняется в силу разных психологических особенностей своего характера или отсутствия педагогического мастерства, которому тоже надо учиться, а мастер этим обучением, к примеру, себя никогда не утруждал, на это просто у него не было времени или желания. И обычно в прежние века все обучение сводилось к копированию работ мастера, так называемые подмастерья выполняли во время обучения все черновые работы и, кто как умел, в силу своей наблюдательности, перенимали приемы и идеи мастера и постепенно, если хватало желания, настойчивости и старания, сами становились мастерами в том или ином деле.

И в общем-то это азбучная истина: всему в жизни надо учиться.

Любой вид искусства подразумевает, что человек, посвятивший себя этому искусству, долго и упорно обучается.

Музыкант изучает нотную грамоту, учится играть на том или ином инструменте.

Певец постигает искусство вокала.

Живописец – технику рисования, живописи и осваивает еще множество различных приемов на пути к освоению своего вида искусства.

Скульптор учится ваянию.

Архитектор осваивает все науки, связанные со строительством, архитектурой.

Столяр или плотник тоже вначале обучаются своему ремеслу, своим умениям, а позднее, уже став мастерами, способны создать нечто искусное...

Исключений из этого правила мне неизвестно.

Литература художественная во всех своих жанрах исключения тоже не составляет.

И поэтому довольно жалкое впечатление производят люди, пытающиеся писать стихи или прозу, не освоив хотя бы начальных уроков этого вида искусства. А всего лишь начитавшись того или иного поэта (чаще всего стихов Сергея Есенина, Владимира Маяковского, Марины Цветаевой или известных прозаиков, ставших уже известными классиками). Увы, этот средневековый прием обучения: «Делай, как мастер», то есть прием подражания мастеру может сработать только для любительских поделок, хорош для тренировочных упражнений, а для серьезного литературного творчества этого совершенно недостаточно. В этом случае очень многое, если не почти все, что подвигло мастера написать то или иное произведение, остается непонятным и неизвестным такому ученику-любителю. Уровни мастера-классика и уровни невежественного неопита слишком разные, отсюда и ничего, кроме довольно бездарного подражания манерам мастера, не возникает.

Из вышесказанного:

1. Первый принцип. Учиться! Учиться и учиться! Свое невежество в той области искусства, которую вы избрали для себя, надо искоренять. Требуется обучение этому виду творчества – это первый основной принцип.

Для художественной литературы это обучение тоже необходимо и включает познание:

Истории мировой литературы (история развития того или иного жанра литературы, история стихосложения).

Теории литературы во всем объеме – от понимания, для чего и зачем возникла письменность и как появились первые

художественные, поэтические тексты, песенное творчество до современной проблематики текстов и т. д.

Овладение в максимальном объеме тем языком, на котором пишете. В нашем конкретном случае – это русский язык, один из древнейших, если не самый древний язык на Земле. Без знания родного языка, русского литературного языка – основного вашего инструмента – серьезные успехи в литературном творчестве невозможны.

Граматику, синтаксис, стилистику надо знать.

И ко всему этому надо бы хотя бы по минимуму знать историю человечества, географию, физику, химию, астрономию, геологию, геополитику, историю религий и еще кучу разных интересных вещей, без знания которых вы все время будете демонстрировать свое невежество вашим читателям. А читателю, который чувствует, что автор малограмотный, мало что знает, вряд ли будет интересно читать тексты такого автора. Этот принцип выражается так: «Писать можно только о том, что ты хорошо знаешь».

2. Принцип новизны. Умению излагать свои мысли и чувства в образной нетривиальной художественной форме надо учиться, расширять свой ассоциативный ряд, уметь находить новые свежие образы, сравнения, метафоры и при этом не нарушать третий принцип.

3. Принцип меры. Или соразмерности выразительных средств теме, идее, замыслу произведения. Как говорят, из пушки по воробьям не стреляют. Некоторые ребята в желании создать нечто выдающееся, в погоне за новизной формы накручивают такие вычурные метафоры, создают такие лихие конструкции, стихотворные или прозаические, что сама тема стиха или прозы уже не просматривается, раздавленная всеми этими нелепыми образами. Это проблема вкуса, опять же воспитанности автора. Ведь некоторые из таких авторов еще и активно привлекают в свои тексты матерщину, ругательства, словом весьма низменные средства, свидетельствующие не

только о вульгарности самого автора и непонимании им самой сути искусства, которое, можете, конечно, и не согласиться со мной, все же призвано возвышать человека, воспитывать духовно, а не низводить его до уровня заурадной скотины. Под скотиной я в данном случае понимаю сильно деградировавшие особи человеческого рода, животные ведут себя, как правило, намного приличнее и не сквернословят.

Если тема, идея, ваша задумка тянет на короткий рассказ, хороший многостраничный роман из этого материала вряд ли получится, читателю просто нечем будет поживиться на сотнях страниц. Аналогично и в стихах, если идею, замысел можно великолепно выразить одним четверостишьем, растягивать ваши вирши до размеров «Песни о Гайавате» нет никакой необходимости. Тут надо учиться чувствовать, что чего стоит. Это опять же проблема вкуса и соразмерности замысла воплощению.

Собственно, этот принцип Антон Павлович Чехов выразил очень просто: «Краткость – сестра таланта». Речь у классика шла не о краткости, а как раз о соразмерности замысла и воплощения, поскольку и в его время, и ныне авторы часто грешат многословием, пустословием и раздуванием своих текстов за счет совершенно необязательных подробностей, ни самому автору не нужных, ни читателю, который, чаще всего, быстро улавливает замысел автора, а все дальнейшие рассуждения и пояснения воспринимает как нечто излишнее и скучное.

4. От этого принципа надо уметь отличать принцип повтора. Часто автору требуется повторить какую-то свою мысль, прием, метафору на страницах (в строфах) своего произведения, чтобы это не проскочило мимо сознания читателей или слушателей, дать напоминание им о какой-то важной для автора мысли, находке, это психологический прием, или мнемонический, читателю так проще уяснить нечто, запомнить какие-то детали произведения.

5. Принцип величины, соответствия размера произведения его содержанию, замыслу.

Связан с предыдущими принципами, когда создаете нечто, прикидывайте, стоит ли ваш замысел затраченного вами на него времени и согласится ли потенциальный читатель, слушатель потратить свое время на чтение или выслушивание вашего опуса. Не будьте жестоки к вашим читателям.

6. Принцип увлекательности.

Мне довольно часто в бытность редактором приходилось сталкиваться с так называемой назидательной или преподавательской прозой. Обычно автор был каким-нибудь вполне занудным профессором или доцентом в каком-нибудь вузе или почтенным школьным учителем, а эта категория авторов привыкла, что называется, шпарить по программе, особо не утруждая себя ораторским искусством и умением увлекательно подавать материал своих лекций. Зачем? Бедные студенты, школьники, даже если у них уши опухнут, никуда не денутся – выслушают все лекции в полугипнотическом состоянии или даже засыпая от однообразия подачи той или иной темы.

Сие подтверждает тезис о том, что и искусству преподавания тоже надо бы учиться, не у всех специалистов с этим нормально. Так вот, я замечал, что и художественные тексты таких преподавателей грешат лекционностью, абзацы на две-три страницы, монотонность, отсутствие своих свежих мыслей, а порой еще и назидательность и безапелляционность. Когда им редакторы указывали на эти промахи, обычно такие авторы вспоминали Льва Николаевича Толстого, мол, у него еще длиннее абзацы встречаются. Правильно, встречаются, но у Л. Н. Толстого поток своей мысли, который он демонстрирует читателям, а у авторов этого типа чаще всего недомыслие или скучное перечисление чужих избитых истин, шаблонные фразы, шаблонные выводы, расхожие штампы, канцелярщина – и посему скука смертная.

А вот когда попадается профессор, который не только хо-

рошо знает свой предмет, но и сам увлечен своей темой, он способен из самой скучной науки сделать поэму, приводить в восторг своих студентов и быть у них любимым преподавателем.

Отсюда вывод: читатели – не подневольные студенты или школьники, писать надо только о том, к чему вы сами неравнодушны, чем увлечены, захвачены. Это принцип интереса, сути или важности. И эту важность темы для вас любимого надо уметь показать и читателям.

Если замысел произведения и самому автору не очень интересен, нет никаких оснований считать, что этим заинтересуется читатель. Тема должна захватывать автора, мучить его, должна созреть в его сознании, стать отчетливой, тогда появляются шансы создать что-то интересное и важное для возможного читателя. Однако при этом надо учитывать другой принцип, без которого далеко не уплывешь.

7. Принцип адресности. Возможный адресат текста должен автору быть известен.

Всегда в литературных делах надо предполагать, кому вы адресуете свое произведение, кто из возможных читателей способен воспринять ваше стихотворение, рассказ или повесть, какой конкретной группе возможных читателей это будет интересно, важно. От этого зависит и выбор изобразительных средств, лексики, глубины раскрытия темы, тональности и многого другого.

Если вы адресуете текст детям, соответственно, надо хотя бы на мгновение вспомнить свое детство, представить себя ребенком, подумать, а заинтересует ли ваш текст детей, современных вам, или им это уже совершенно чуждо. Если адресуете пенсионерам, надо учитывать их психику, проблемы, интересы... Автору надо понимать возможного читателя, знать, на какого читателя он может рассчитывать, от кого он получит обратную связь, заинтересованность в поднимаемых им проблемах или созданных образах, а каким людям это все пока-

жется ерундой и ничего, кроме скуки, у них не вызовет. Если вы пишете романы для домохозяек, не обремененных высшим образованием, это одно. Если для людей любознательных, образованных, интеллектуалов – совсем другое, если для юношества – третье... И средства разные, и уровень проблематики, и стилистика... Вкусы у публики разные, и категории публики тоже разные.

8. Принцип конкретности, отчетливости... Абстракции, усреднения, обыденность способны погубить любое художественное произведение. Чем более выпукло, ярко, страстно вы прорисовываете своих героев, чем жизненнее они становятся, тем вероятнее, что они понравятся читателям. Этому можно поучиться, к примеру, у Н. В. Гоголя. Ткань литературную, схему надо наполнять жизнью, прорисовывать... Без этого будет скучно, схематично и вполне бездарно.

9. Собственно, все эти принципы или законы можно вывести из одного принципа гармонии, однако что такое гармония, с этим не так-то просто разобраться. У А. С. Пушкина товарищ Сальери вроде бы попытался... Алгеброй поверить гармонию, так сказать, препарировать музыку, и ничего путного из этого не вышло. Гармонию надо бы чувствовать, а для этого надо жить в гармонии со всем миром, каким бы пакостным этот самый мир, на ваш взгляд, ни казался. Ведь творец, автор, создавая нечто, своим творчеством и гармонизирует как раз мир вокруг себя.

*Новосибирск
январь 2020*

Василий Кузин
*кандидат философских
наук, ректор
Новосибирского
государственного
театрального
института*

О способах восприятия искусства

Основная идея

Все способы восприятия искусства мы предлагаем упорядочить по степени сознательной активности воспринимающего. Речь идет не о том, что восприятие искусства сопровождается каким-нибудь сознанием, что человек, воспринимающий произведение искусства, что-то осознает в это время. Ведь если исключить экстраординарные и патологические случаи, то в состоянии бодрствования человек практически всегда что-то мыслит, что-то осознает. Сейчас мы спрашиваем о том, в какой степени сознательная активность воспринимающего является необходимым условием восприятия искусства, в какой мере эффект, производимый искусством на человека, зависит от сознательного участия воспринимающего.

Вследствие предлагаемого упорядочивания на одном полюсе нашей шкалы будет располагаться способ восприятия искусства, в котором сознательная активность минимальна

(в пределе – стремится к нулю). Обозначим этот способ как безусловно-рефлекторный. На другом полюсе поместим рефлексивный способ восприятия. По определению, в последнем случае художественный эффект возникает только вследствие осознанных действий индивида, более того, вследствие его специализированных действий. Между ними поместим условно-рефлекторный способ восприятия. Данный способ предполагает активные сознательные действия воспринимающего, однако эти действия не являются специфичными для искусства.

Рассмотрим подробнее каждый из обозначенных способов.

Безусловно-рефлекторный способ восприятия искусства

Правомерность обособления безусловно рефлекторного способа восприятия базируется на признании того простого факта, что и воспринимающий индивид, и произведение искусства обладают материальной, телесной, вещественной организацией. При взаимодействии двух вещей, двух тел происходят большие или меньшие изменения каждого из них. Количество и качество изменений вещи зависят от ее собственного устройства. В нашем случае анатомия и физиология человеческого тела обуславливают то воздействие, которое на него оказывают свет, цвет, звук. Материальное, механическое действие световых и звуковых волн влияет на физиологические процессы в организме человека без всякого участия его сознания. Изменение физиологического и, как следствие, эмоционального состояния совершается даже при полной пассивности индивида. Поэтому, возможно, что в данном случае кто-то предпочтет говорить не о способе восприятия искусства человеком, а о механическом воздействии искусства на человека. Это вполне правомерно.

Цветовые пятна, сочетания линий и объемов, запахи, звуковые комплексы и их последовательности автоматически фор-

мируют у человека те или иные эмоциональные состояния. Ограничимся только тривиальными примерами. Желтый цвет физиологически тревожит человека, красный – возбуждает, зеленый – умиротворяет. Звуки очень низкой частоты (инфразвук) физиологически приводят человека в состояние необъяснимого ужаса и неуправляемой паники.

Звуки высокой частоты провоцируют измененные состояния сознания, а при длительном воздействии формируют особые психические качества человека. Многократные повторения одинаковых ритмических и интонационных фигур способны свести человека с ума в переносном и в прямом смысле. Но те же самые повторы использовались и используются для разрушения человеческого сознания и жизни как в традиционно изоощренных казнях в древнем Китае, так и в европейской практике пыток. Сегодня такие пытки применяются и террористами, и спецслужбами.

С другой стороны, энергия и сила звуковых повторов позволяет ламаистскому монаху погружаться в медитативный транс и достигать высших состояний ума и духа. Огромная созидательная и разрушительная сила ритма для человека и Вселенной неустанно подчеркивается также выдающимися теософами.

Различные средства искусства обладают, конечно, разной силой механического, физиологического воздействия. Наибольшими возможностями влияния характеризуется, на наш взгляд, звук. Наибольшими – так как звук отличается максимальной принудительностью воздействия на человека. Защититься от агрессивного воздействия звуковой среды человек почти не в силах. Фактом принудительного воздействия звуков частично объясняется та высокая оценка, которую многие мыслители, философы, ученые давали музыке как самому сильнодействующему виду искусства.

На тесную связь физической стороны звучания (только в данном случае уже звучания речи) и эмоционального впечатления обращал внимание М. В. Ломоносов. В восемнадцатом веке он составлял своеобразную «таблицу звуков»: «...Как ка-

жется, частое повторение письмени «а» способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины, а также великого страха; учащение письмен «я», «и», «ять», «ю» – к изображению нежности, ласкательства, плачевных или малых вещей; через «я» показать можно приятность, увеселение, нежность и склонность...»

Опыты Ломоносова, которые были затем продолжены и поэтами-футуристами, и современными учеными, имеют очень древние корни. Так, для людей, занимающихся йогой, важной составляющей их йогической практики является пение мантр. Мантры – это специально подобранные звукосочетания, пропевание которых способствует физическому и духовному совершенствованию человека. Уже тысячи лет назад йоги разработали систему соответствий тех или иных звуков и, например, внутренних органов человека. Скажем, для нормализации работы сердца необходимо петь одни звуки, а для коррекции деятельности печени – совсем другие. Важно, опять-таки, что речь не идет о произнесении каких бы то ни было осмысленных слов или смыслоформул, но лишь о бессмысленном (в рамках обычной речи) наборе звуков. Исключительно физические, материальные вибрации, рождающиеся при пении, вызывают изменения в физиологии человека. И точно так же мантры изменяют душевное, и даже духовное состояние людей. (Во избежание недоразумений добавим, что в различных направлениях йоги практикуется также и многократное произнесение вполне осмысленных словесных формул.)

Поскольку при безусловно-рефлекторном способе восприятия искусство характеризуется прямым действием на физическую, физиологическую природу человека, постольку оно не нуждается ни в изображении, ни в выражении чего бы то ни было. Искусство, для которого несущественны изображение или выражение, с полным основанием может быть названо абстрактным искусством.

По отношению к абстрактному искусству сформировалось несколько устойчивых стереотипов. Часто считают, что абстрактное искусство – это поздний этап развития искусства;

считается также, что абстрактное искусство чрезмерно сложно и недоступно для понимания обычного человека. Напротив, в рамках предлагаемого подхода абстрактное искусство предстает как одна из самых ранних форм искусства (которая, конечно же, неоднократно возрождалась в истории). Далее, абстрактное искусство – самое простое искусство. Абстрактное искусство просто, потому что оно является именно тем, за что себя выдает. Его наблюдаемые, воспринимаемые средства не отсылают зрителя или слушателя ни к какой скрытой за ними реальности (внешнему миру или внутренней жизни человека), не намекают ни на какую тайну. Сущность и существование в абстрактном искусстве совпадают. Поэтому нет и никакой трудности в понимании этого искусства. Для безусловно-рефлекторного понимания достаточно обеспечить физический доступ произведения искусства к человеку, например прийти на дискотеку и не затыкать при этом уши. Повторим, что значительная часть музыки, звучащей сегодня на дискотеках, вечеринках, в ночных клубах и барах, на телевидении и радио, относится к абстрактному искусству, почти единственными средствами которого оказываются ритм и уровень громкости.

Используя терминологию семиотики, можно сказать, что в этом искусстве, воспринимаемом безусловно-рефлекторно, означающее и означаемое неразличимы. Означаемое – это предмет, событие или свойство окружающего нас мира, которые мы подразумеваем, имеем в виду, когда произносим какое-то слово, рисуем изображение и т. д. Означающее – это и есть слово или рисунок, отсылающие нас к определенному предмету.

Простота абстрактного искусства и легкость его понимания сами по себе не являются аргументами против такого искусства. В искусстве, как и во многих других областях жизни, самые простые средства оказываются одновременно и самыми эффективными. По силе воздействия мало что может сравниться с уже упомянутым большим барабаном. Ортега-и-Гассет, правда, предостерегал от того, чтобы оценивать произведение искусства по степени его воздействия. В противном

случае, говорил он, нам придется признать высшими видами искусства щекотку и алкоголь. Спору нет, искусство (в том числе и современное) часто выполняет функции щекотки и алкоголя, его воздействие часто оказывается сродни действию психотропных средств. Но ведь именно это и привлекает потребителей такого искусства.

И еще один штрих. Именно безусловно-рефлекторное восприятие выступает в качестве самого удобного и благодарного предмета для изучения методами науки (например, для исследований по психологии восприятия). На этом уровне легче всего обнаружить общезначимость тех или иных элементов искусства. На этом уровне стимул (произведение искусства) наиболее однозначно соотносится с реакцией (эмоциональное состояние человека), образуя более или менее устойчивые связи и соответствия. Поэтому в целом на этом уровне легче всего выявляются закономерные соотношения средств искусства и производимого ими эффекта.

Само собой разумеется, что открытые закономерности могут затем использоваться разного рода творцами искусства для целенаправленного управления эмоциями, переживаниями, психикой человека в целом.

Условно-рефлекторный способ восприятия искусства

Слово, наиболее удачно характеризующее этот способ восприятия, – уподобление. При условно-рефлекторном восприятии зритель или читатель уподобляется героям произведения, само произведение уподобляется жизни, а его автор уподобляется если и не Господу Богу, то, по меньшей мере, демиургу. Посредством уподобления достигается переживание: человек воображает определенную жизненную ситуацию, представляет себя в ней и, как следствие, испытывает те или иные чувства.

Мы указали, что зритель уподобляется герою, но это, ко-

нечно, лишь одно из возможных уподоблений. Зритель может также вообразить себя другом или врагом героя, его соседом или даже случайным наблюдателем. Важно лишь, что он относится к героям так, словно они – живые люди, а к искусству в целом – как к самой жизни. Поэтому переживания, испытываемые при условно-рефлекторном способе восприятия, по типу тождественны жизненным, житейским переживаниям и чувствам. Они различаются только степенью: переживания в искусстве могут быть более концентрированными, утрированными или, напротив, более сублимированными. В зависимости от конкретных целей эмоции в искусстве подаются разбавленными в наиболее подходящей пропорции. Поскольку в пределе такое искусство стремится стать полным подобием, полной иллюзией жизни, постольку оно может быть названо иллюзорным или иллюзионистским.

Для чего нужно удваивать житейские страсти и переживания еще и в искусстве? Основных причин для этого три. Во-первых, жизненные переживания, которые мы испытываем при восприятии искусства, свободны от многих негативных последствий, с которыми они часто связаны в реальной жизни. Например, влюбленность в жизни – это переживание, требующее от человека больших затрат и вложений (не только финансовых, но и временных, эмоциональных, душевных и т. д.) Переживание любви вместе с Ромео и Джульеттой ограничено двумя-тремя часами экранного времени и не требует почти никаких затрат.

Во-вторых, искусство дает возможность испытать такие эмоции, которые, хотя и являются жизненными, но в данный момент по тем или иным причинам недоступны в жизни. В-третьих, как уже упоминалось, искусство подает человеку эмоции в точно выверенных пропорциях, – оптимально сконцентрированное или разбавленное в зависимости от целей потребления и ситуации потребления.

Акцентируя внимание на характерных чертах именно условно-рефлекторного способа восприятия искусства, З. Фрейд, к примеру, определяет искусство в целом как средство

иллюзорного удовлетворения влечений. Уточним, что сами переживания в искусстве ничуть не иллюзорны, – просто поводом для них становится воображаемая жизнь. Интересно, что подобное положение дел вообще характерно для социально-психологических явлений.

Условно-рефлекторный способ восприятия (в отличие от безусловно-рефлекторного) базируется на спонтанной активности воспринимающего и зависит от его интенций. Однако существуют произведения искусства, которые сами как бы провоцируют человека именно на такой тип восприятия. Проще всего было бы назвать подобные произведения реалистическими, но это определение отсылает нас к локализованным в пространстве и времени художественным практикам. Поэтому обозначим рассматриваемое искусство как миметическое (подражательное). Миметическим является не только собственно реалистическое искусство, но также и классицистское, романтическое, сентименталистское и т. д.

Миметическое искусство удваивает жизнь. При этом удвоение не обязательно будет зеркальным копированием. Подражание проявляется не только в том, чтобы изображать фактически существующее, и тем более часто встречающееся, типическое. Достаточно изобразить то, что происходит хотя бы иногда, или даже то, что может происходить. Речь, таким образом, идет не об обязательном копировании конкретных ситуаций и реальных героев, а о принципиальной жизненности самого материала искусства. При условно-рефлекторном восприятии мы должны забыть, что перед нами произведение искусства, и увидеть саму жизнь.

Когда миметическое искусство достигает максимального эффекта, когда оно вызывает максимально сильные переживания? Очевидно, тогда, когда оно рассказывает о том, что задевает человека в повседневной жизни: любовные интриги и ледяющие душу преследования и угрозы, ужасные смерти и фантастические везения, предательства и приключения, высокие страсти и извращенные удовольствия. Самые популярные, самые востребованные жизненные переживания кристаллизу-

ются в самостоятельные жанры: мелодрама, триллер, боевик, детектив, комедия, порнография и др. Жанровая характеристика часто дается в скобках после заглавия, чтобы окончательно упростить для читателя или зрителя переход к заранее заданной сфере житейских переживаний.

Различные виды искусства обладают неодинаковым миметическим потенциалом. Поскольку для человека жизнь – это, прежде всего, человеческая жизнь, то наиболее полно подражают жизни те искусства, где, во-первых, изображен человек, где, во-вторых, человек действует, и, в-третьих, где человек взаимодействует с другими людьми. Поэтому до конца девятнадцатого века наиболее адекватным примером миметического искусства был театр. В двадцатом веке на смену театру пришло кино. Поклонникам театра грустно в этом признаваться, и они утверждают, что прогнозы о ненужности, устарелости и т. п. театра не подтвердились. Действительно, радикальные суждения о «смерти театра» оказались несколько преувеличенными. Однако нельзя не признать, что социальное влияние (позитивное и негативное) кинематографа в экономическом и идейном, художественном отношении несравненно значительнее, чем влияние театра.

Возможно, в двадцать первом веке место театра и кино займут новые виды искусства, основанные на компьютерных технологиях, позволяющих создавать виртуальные реальности. Появление таких воображаемых реальностей уже давно прогнозируется писателями-фантастами и сценаристами. Пока же максимальной степенью подражательности среди массовых жанров отличаются бесконечные телевизионные сериалы, в которых один час времени на экране приблизительно равен одному часу в жизни.

Условно-рефлекторный способ восприятия предполагает и требует обучения и научения, поэтому он – условный. Но научение в дальнейшем должно привести к автоматизму восприятия, поэтому это способ рефлекторный. Научение включает в себя две составляющих: научение переживанию и научение узнаванию.

Как уже было сказано, переживания, являющиеся целью и результатом условно-рефлекторного восприятия, не специфичны для искусства. Они полностью аналогичны обыденным, повседневным переживаниям. Поэтому научение в данном случае сводится к умению чувствовать в той или иной ситуации и к умению воспринимать и оценивать проявления чувств у других людей. Такое умение частично зависит от нервной организации индивида и частично от особенностей его детства и воспитания – в целом, от процесса его социализации. А поскольку миметическое искусство воспроизводит жизнь, постольку опыт восприятия такого искусства также способствует формированию и развитию навыков переживания.

Казалось бы, возникает замкнутый круг: чтобы воспринимать искусство, нужны навыки переживания, но, чтобы сформировать навыки переживания, нужно воспринимать искусство. Видимость порочного круга между намерением (мотивом, желанием) и действием исчезнет сразу, как только мы заметим, что одно и то же действие может быть вызвано совершенно разными мотивами. Кто-то приходит в концертный зал, чтобы насладиться музыкой, а кто-то – чтобы соответствовать стандартам поведения, принятым в его социальном окружении. Скорее всего, они будут слушать музыку по-разному, но будут слушать оба. Возможно, со временем и для второго слушателя музыка перестанет быть только «престижным потреблением», но и станет предметом художественной потребности. В этом случае новая потребность человека окажется случайным результатом его поведения, которое диктовалось социальной средой. Многие социологи считают, что вообще большая часть социальных изменений представляют собой результат непреднамеренных действий людей. И, на наш взгляд, эти социологи правы.

Научение узнаванию необходимо для того, чтобы уметь отождествить изображение и изображаемое, выражение и выражаемое. Такое умение опять-таки не является специфическим элементом художественной практики, а вырабатыва-

ется как результат совокупного социального опыта индивида. В смешении цветовых пятен на бумаге ребенок научается видеть арбуз, дерево, дом или лицо человека. В звуках речи он научается распознавать слова и научается общепринятому их использованию (например, запоминает соответствующие некоторым словам предметы и их свойства). Позже ребенок научится в ровных строчках типографских знаков находить описания событий или выражение чувств. Все эти элементы обучения необходимы, прежде всего, для нормальной общественной жизни человека, но они же образуют и основу условно-рефлекторного восприятия искусства – живописи, кино, литературы и т. д.

Несколько особняком стоит здесь восприятие музыки. Связано это с тем, что музыка редко воспроизводит жизнь непосредственно, то есть в формах самой жизни. Поэтому переживание музыки первоначально опосредуется либо зрительным или словесным рядом, либо жизненной ситуацией (торжество, похороны, богослужение, свадьба, танцевальная вечеринка и т. п.) А так как обряды, связанные с музыкой, в современной европейской культуре – не такое уж частое явление, то основным материалом научения восприятию музыки остаются кино- (теле-) музыка и песня. Ребенок постепенно привыкает соединять отдельные интонации и ритмы с определенными жизненными проблемами, темами, ситуациями (выраженными в визуальных образах или словах) и с соответствующими им переживаниями. Когда эта привычка укрепитя, человек становится способен избегать опосредования и сразу переходить от звуков к переживаниям.

Краткое рассмотрение особенностей условно-рефлекторного восприятия музыки показывает, что степень условности или, напротив, непосредственности изображения жизни может существенно варьироваться. Искусство служит здесь переходным мостиком к жизни. Сам мостик может очень походить на жизнь, а может и не очень. Важно лишь, чтобы он обеспечивал быстрый и легкий переход. Даже искусство, которое называют «символическим», может восприниматься условно-рефлекторным способом, если в художественной практике общества

и в художественной практике индивида употребление символов становится привычным и не требует специальных усилий для расшифровки и понимания.

Рефлексивный способ восприятия искусства

Нам осталось рассмотреть третий – рефлексивный способ восприятия искусства. При его описании мы обратим внимание на главную для этого способа процедуру сравнения. Мы называем способ восприятия «рефлексивным» не только потому, что он по преимуществу является сознательным (понятие «рефлексия» часто употребляют в значении «размышление»). В отличие от двух описанных выше способов, в которых переживание возникает как результат прямого воздействия или прямого движения (от искусства к жизни), рефлексивное восприятие искусства является возвратным, отраженным (рефлексия как отражение, отскок). Сознание движется от произведения искусства к жизни, но затем обязательно возвращается к произведению. Причем такое возвратно-поступательное движение может осуществляться многократно.

Основу рефлексивного восприятия образует процедура сравнения. Мы сравниваем изображение с изображаемым, и вследствие такого сравнения рождается художественное переживание. Необходимым условием для возникновения переживания оказывается тогда несовпадение изображения с изображаемым, наличие определенного «зазора» между ними. Из осознания, обнаружения этого зазора рождается художественное чувство. Таким образом, источником эстетического переживания становится и не сама реальность, и не ее изображение в искусстве, а пространство между ними.

Чувства, испытываемые человеком при рефлексивном восприятии, Ортега считает специфически художественными, а не житейскими. Они отсутствуют в обычной жизни. Такой вывод логически оправдан. Действительно, если переживание возникает в пространстве между двумя полюсами – между

реальностью и искусством, то отсутствие одного полюса (искусства) разрушает саму возможность этого переживания.

Для возникновения этого пространства между полюсами необходимо, чтобы искусство не имитировало бы реальность зеркально, а сознательно или неосознанно искажало, преображало ее. Стоит отметить, что слово «искажение» Ортега употребляет в данном контексте без всякого негативного оттенка. При этом искажение реальности имеет смысл лишь постольку, поскольку реальность сквозь него все же узнается, угадывается. В противном случае исчезает другая сторона сравнения – реальность, и художественное переживание тоже не возникает. Таким образом, «ни на что не похожее», абстрактное искусство не является предметом рефлексивного восприятия.

Реальность – это привычная, общая, старая картина мира, искажение реальности – это непривычная, индивидуальная, новая картина. Первое чувство, которое рождает картина, в которой реальность искажена, – это удивление: «Как это ему (художнику) удалось так увидеть привычное для всех явление, вещь?!» Удивление – это исходное эмоциональное состояние при рефлексивном восприятии искусства. Если новое видение нам не нравится, тогда наше удивление принимает форму недоумения, непонимания, осуждения. Если же нравится – удивление становится восхищением, восторгом. Следует признать, что эмоциональные состояния, порождаемые рефлексивным восприятием, не отличаются большим разнообразием. Впрочем, все высшие человеческие переживания довольно однообразны.

Далее, если новое описание мира понравится многим, его автора будут считать талантливым, гениальным. Если описание не понравится, автора объявят человеком со странностями, сумасбродом. Таким образом, новизна, оригинальность, нестандартность выступают условиями художественной ценности при рефлексивном восприятии, но сами по себе таковыми ценностями не являются. Чтобы стать достижениями, они должны быть признаны обществом, публикой.

Главными средствами преображения реальности в искус-

стве Ортега считает метафору и изменение перспективы, точки зрения. Ричард Бэндлер и Джон Гриндер, специалисты по нейролингвистическому программированию (НЛП), подчеркивают, что обычный в сложной жизненной ситуации совет «посмотреть на проблему с другой точки зрения» следует понимать буквально. Попробуйте, говорят они, представить неприятного вам человека с высоты нескольких этажей, с потолка, с пола; посмотрите на него в замедленной или ускоренной киносъемке, рассмотрите его в ярком или в тусклом свете, в цветном или в черно-белом изображении и т. д. В зависимости от точки зрения меняется отношение к нему, меняется переживание конфликтной ситуации.

По сути, метафора и изменение точки зрения – это одно средство, ибо можно метафору рассматривать как разновидность точки зрения либо измененную перспективу расценивать как разновидность метафоры.

Сущность обычного понимания метафоры сводится к тому, что вместо прямого названия предмета используется опосредованное, окольное его обозначение. Если нам удастся разгадать в иносказательном выражении обозначаемую вещь или явление, мы опять-таки получаем два полюса, в напряжении между которыми и возникает художественный смысл, художественное чувство. Когда поэт описывает фонтан как «серебряные копыта, устремленные в небо», или называет ветер «ювелиром, шлифующим звезды», мы говорим восторженное «Ах!», потому что сами едва ли могли когда-нибудь так увидеть эти простые и доступные вещи. Сравнивая известный всем фонтан и знакомый каждому ветер с поэтическим описанием фонтана, мы испытываем художественное, а не житейское наслаждение.

Можно ли рефлексивно воспринимать искусство, которое непосредственно не изображает никакой реальности, как, например, музыка или архитектура? Ведь прежде мы говорили, что если нет полюса реальности, то нечего искажать и не с чем сравнивать изображение.

Тем не менее рефлексивное восприятие возможно и здесь.

Дело в том, что реальностью, преображаемой в искусстве, может быть... само искусство. В музыке простым и ярким образом искажения реальности могут служить разного рода вариации. Сравнивая вариации с исходной темой, мы можем восхищаться изобретательностью и фантазией композитора (конечно, если они этого заслуживают). Не только собственно форма вариаций, но любое варьирование, видоизменение первоначального материала – интонационное, ритмическое, фактурное и т. д. является способом преобразования данной реальности.

Вообще изменение предшествующего искусства, разрушение традиции – это один из самых важных и самых распространенных путей трансформации реальности в искусстве. Композитор-новатор отрицает интонационные стереотипы, жанровые стандарты, каноны формообразования и т. д. и таким способом преодолевает реальность, существующую в форме прошлого. Сличая творение композитора с тем, что было до него, мы открываем возможность восторгаться новшествами или недоуменно пожимать плечами. Сказанное относится не только к музыке, но и к искусству в целом.

Стремление во что бы то ни стало отличаться от предшественников является потребностью того человека, которого критик Гарольд Блум назвал «сильным поэтом». Сильный поэт больше всего на свете боится остаться «вариантом чужих поэм». Сильный поэт боится, что ему всю жизнь придется проговорить на языке, который не он создал. Ему мало видеть мир не так, как его видят все обычные люди. Он хочет видеть мир так, как его никто не видит и не видел, в том числе (и даже в первую очередь) предшествующие поэты.

Поэтому сильный поэт, сильный художник, сильный музыкант создает собственный стиль, собственный язык, собственную художественную систему. Он сам вырабатывает критерии, по которым его должны судить, и надеется сотворить реальность, глядя на которую он сможет сказать не «так получилось», а, словами Пруста: «так я хотел!»

Т. Адорно придает позиции сильного поэта социально-по-

литическую интерпретацию. По его мнению, любые существующие в искусстве каноны – жанровые, стилистические, языковые – суть проявления обезличенного, всеобщего начала, которое подчиняет, подавляет, порабощает индивида в условиях социального отчуждения. Разрушение канонов расценивается франкфуртским теоретиком как единственная адекватная для художника форма социального протеста против позднекапиталистического общества.

Трансформацию реальности и трансформацию предшествующего искусства не следует резко противопоставлять друг другу. Искусство, которое отрицается сильным поэтом, тоже является картиной мира, но картиной для немногих. Различие, как видим, только количественное. Исходя из сущностного сходства этих явлений, мы можем сделать предположение о том, что и привычная для всех, обыденная картина мира (наша реальность) когда-то была картиной поэтической, картиной для немногих, картиной, придуманной сильными поэтами.

Особые возможности для рефлексивного восприятия предоставляют те искусства, в которых присутствует исполнитель. Например, в музыке мы можем сравнивать нотный текст и звучащее произведение, в драме – текст пьесы и театральный спектакль. Разумеется, такое сравнение возможно лишь в том случае, если мы заранее знаем текст до такой степени, что способны заметить и оценить особенности его воплощения музыкантом или актером.

Далее, в обычной слушательской практике мы сравниваем исполнение не с текстом как таковым, а с другими исполнениями – будь то наше собственное (воображаемое или действительное) исполнение или игра других музыкантов, актеров. Но опять-таки, заметить различия в прочтении одного и того же произведения и оценить их в состоянии только тот, кто знает и помнит предшествующие воплощения данного текста.

Наконец, мы можем сравнивать само исполнительское ма-

стерство даже безотносительно к произведению, которое интерпретируется, или к жизненной драме, которая разыгрывается на сцене. Скажем, виртуозно сыгранная пианистом гамма двойными нотами может привести нас в восторг независимо от ее места и роли в структуре художественного целого. Правда, в полной мере оценит мастерство пианиста тот, кто сам пробовал играть на рояле или каким-то другим образом узнал, насколько непросто это делать.

Ясно, что уровень технологического мастерства мы оцениваем не только у собственно исполнителей, но и у всех творцов искусства в той мере, в какой они являются исполнителями – у композиторов, художников, поэтов.

Суммируем те области, где может разворачиваться сравнение и, соответственно, те пути, которыми может двигаться человек, воспринимающий искусство рефлексивно:

- сравнение искусства и реальности;
- сравнение искусства и предшествующего искусства (здесь сравниваются темы, сюжеты, образы, выразительные средства, стили, сам материал искусства и т. д.);
- сравнение исполнения и текста;
- сравнение исполнений одного и того же текста;
- сравнение технологического мастерства.

Конечно, данный перечень является примерным и может быть расширен.

Лариса Подистова
*прозаик, редактор от-
дела художественной
литературы журнала
«Сибирские огни»*

В здоровом тексте – здоровый дух!

Пока автор полностью погружен в творчество, создает увлекательный сюжет и придумывает приключения героев, ему трудно оценить, насколько точно выбраны слова, не громоздки ли описания, так ли выглядят события, как ему хотелось бы. Автора ведет вдохновение, он спешит рассказать историю, пока она еще горяча в его воображении. И это нормально.

Но наступает момент, когда события подходят к концу. Развязан последний сюжетный узел, поставлена последняя точка. Автор с облегчением откидывается на спинку кресла. Он сделал это! Он написал! Можно наконец расслабиться и...

Не торопитесь, дорогой автор. История-то закончена, но ее еще ох как рано показывать читателю. Смотрите, вот герой «мчится сломав голову» – вместо «сломя голову». А здесь – стреляет сто тридцать два раза подряд из револьвера, в кото-

рый, вообще-то, входит всего двенадцать патронов. А вон там – почему-то стал блондином, хотя на первой странице ясно сказано, что он жгучий брюнет... О запятых и опечатках даже говорить нечего. Словом, пока у вас на руках лишь заготовка, черновик текста, а прекрасным произведением он станет чуть позже – когда его тщательно отредактируют.

Есть люди, которые занимаются этим профессионально: редакторы журналов и издательств. Они, как правило, работают уже с готовыми текстами, проверяя и исправляя недочеты, которые ускользнули от авторского внимания. Но первым редактором новорожденного произведения всегда является его автор. И от того, насколько хорошо он поработает, зависит, заинтересуется ли кто-то еще его детищем.

Давайте же посмотрим, как можно улучшить свежий, с пылу с жару, текст разумно, с толком и без лишних мучений.

Прежде всего, дайте новому произведению немного «вылежаться». Это нужно, чтобы вы успели отстраниться, отвыкнуть и могли посмотреть на него уже спокойно и как бы со стороны. Пусть улягутся чувства, которые бурлили в вас, когда вы писали, – и тогда вы с удивлением обнаружите, что какие-то вещи, оказывается, выглядят в тексте совсем не так, как вам представлялось. Например, вы хотели, чтобы вашему герою сочувствовали, но нечаянно выбрали такие слова, которые скорее вызовут смех. Или описали жилище героя в таких мельчайших подробностях (которые казались вам крайне важными), что теперь сами над этой страницей засыпаете... В общем, будьте готовы к открытиям, и не всегда радостным.

Хорошая новость – все это можно исправить. Только не бросайтесь сразу заменять слова и кромсать предложения. Начните вот с чего. Сейчас, когда вся ваша история уже написана, вы хорошо представляете, о чем она и что там главное. Поймите, что для вас в ней самое важное, зачем она вам. Представили, поняли? Возьмите ручку и запишите это в паре-тройке пред-

ложений. Например: «Это история о мальчике, который искал своих потерянных родителей. В пути он пережил много приключений, повзрослел и нашел кучу друзей. Пришел к маме с папой и вдруг понял, что он, вообще-то, уже давно не сирота». Или: «Это рассказ о девушке, которая влюбилась в призрака. В обычной жизни она была одинока, потому что не могла найти того, кто бы ее понимал. Общаясь с призраком, девушка научилась строить отношения и с живыми людьми. Когда это случилось, призрак исчез». Как видите, это не пересказ сюжета, а краткое изложение смысла. Когда вы четко сформулируете этот смысл для себя, вам станут заметны те места в тексте, которые можно усилить, прописать более подробно – или, наоборот, сократить, а то и совсем убрать. Главное – поймите, о чем на самом деле ваша история.

Следующий шаг – подумайте, можно ли ее сократить. Все ли изложенные события нужны для того, чтобы читатель понял идею, которую вы только что сформулировали? Вдруг что-то лишнее, или уводит в сторону, или запутывает? Такие места лучше убрать или переделать. Например, если ваш повзрослевший герой встречает бывшего одноклассника и они вспоминают школьные дни, пусть эти воспоминания будут как-то связаны с основным сюжетом, приближать к пониманию смысла или хотя бы добавлять информации о герое. Когда все подчинено главной мысли, рассказ напоминает летящую в цель стрелу. Если в нем «торчат» боковые линии, никак не связанные с идеей, он похож на растрепанную новогоднюю елку, которую забыли выбросить.

Очень хорошо получается сокращать и «уплотнять» текст, избавляясь от громоздких официозных конструкций – так называемого канцелярита. Пишите: «Мальчик размахивал руками», а не: «Личность подросткового возраста двигала передними конечностями». Смех смехом, но такие выражения сплошь и рядом встречаются в работах начинающих проза-

иков. Автору кажется, что такие пассажи выглядят иронично, что это такой юмор. Увы, нет. Они смотрятся блекло, мертво и нелепо. И очень длинно к тому же.

Человеческий мозг так устроен, что он легче воспринимает и дольше помнит то, что можно вообразить. Чем более яркой и живой будет картинка, которую вы нарисуете, тем сильнее она отзовется в читательской душе. Если вы скажете: «Скакун сразу принялся торопливо щипать траву», ваш читатель увидит коня, проскакавшего долгий путь, уставшего и проголодавшегося. Если напишете: «Копытное быстро утоляло свою потребность в пище», – любой озадачится: какое-то непонятное создание совершает непонятные действия. В общем, рассказывайте проще, зримее, короче – и люди к вам потянутся.

Уберите «пустые» определения. Не говорите: «Она красивая» или «Мне было страшно» – за этими словами не стоит ничего представимого, это просто обозначения. Скажите: «У нее большие глаза, и она мягко двигается» и «Рядом со мной слышались осторожные, подкрадывающиеся шаги»... Ну, или что там у вас на самом деле подразумевается под «красиво» и «страшно».

Проверьте, нет ли в вашей истории избыточных, затянутых описаний. Да, именно метафоры, эпитеты, аллюзии, сравнения и прочие подобные приемы делают текст художественным. Но если вы обнаружите у себя предложение вроде: «Прекрасная стройная светловолосая и голубоглазая девушка в длинном шелковом платье с узором из красиво переплетающихся золотых драконов и в маленьких изящных туфельках на небольшом каблучке бежала, звонко смеясь, по летнему благоухающему лугу, усыпанному экзотическими цветами самых причудливых форм и расцветок», то задумайтесь, сможет ли читатель добраться до конца этой фразы и ни разу не зевнуть. Пусть ваше описание будет короче, но ярче, оставьте только самые важные, нужные, самые «говорящие» детали. Если ваша

героиня бежит, то ее быстрый бег будет хорошо ощущаться в короткой энергичной фразе, а в длинной бедная девушка просто завязнет в бесконечных прилагательных.

То же и с описаниями пейзажей, городов, селений, жилищ, одежды, еды, предметов. Не перегружайте картину подробностями. Читатель все равно не сможет держать их все в памяти. Пусть сохраняются лишь те, которые способны вызвать у него нужные чувства: радость, восторг, ужас, отвращение – именно то, что вы хотели.

Все в вашей истории должно приближать к пониманию идеи, а не отвлекать от нее. Два-три предложения, которые вы написали перед тем, как приступить к редакции, – это нерв, стержень, центр, вокруг которого все вертится.

Перечитайте свою вещь – нет ли в ней повторов? Иногда автору кажется, что его могут не понять, и он раз за разом навязчиво вставляет в произведение свою главную мысль, а то и вообще открытым текстом вываливает ее на читателя в конце. Дескать, «мораль сей басни такова». Это чаще всего не помогает, а разочаровывает. Человек шел за вами, вникал в перипетии сюжета, сопереживал героям, напрягал мозг, догадываясь, к чему вы клоните, делал какие-то выводы – и уже почти горд, что сам все понял. И вдруг автор говорит ему: «В общем, я тут имел в виду это и это. Как видишь, можно было не трудиться, я и так все объяснил». Обидно. Если вы – такой автор и ваша история заканчивается «моралью», вычеркните эту «мораль». Лучше открытый финал, который можно додумывать, чем скучное «и тут Вася все понял». Пусть Вася чувствует и действует, а поймет все уже читатель.

Очень может быть, что после этих перечисленных выше простых исправлений ваше творение сделается вдвое короче. Не грустите, зато оно наверняка стало более строгим, динамичным и понятным. Для текстов это так же полезно, как и для людей. Здоровый человек, как правило, мускулистый и

подвижный, а не рыхлый и медлительный. Вот и сделайте свой текст здоровым.

Я намеренно ничего не пишу здесь о таких вещах, как композиция текста, продуманность мира, логика персонажей... Все это требует отдельной и очень серьезной работы – и заниматься ею желательно в начале, когда вы только сели писать, а не тогда, когда текст вроде уже готов, но почему-то в нем концы с концами не сходятся. Особенно если у вас большая повесть или, страшно сказать, роман. Представляете, каково это – переделывать целые романы?!

Но мы пока в начале пути, нам бы с рассказами совладать. И после того как вы убрали из текста все лишнее и добавили все необходимое – то есть настроили его по камертону своей главной идеи, можно переходить к третьему шагу и начинать работать над стилем.

В смысле – что такое стиль? О-о-о, это тоже целая история! Только уже совсем другая.

Наталья Ласкина
*кандидат
филологических наук,
директор центра
гуманитарного
образования
«Открытая кафедра»*

Чего ждать от новой литературы: взгляд литературоведа

Моменты встреч с естественной, повседневной жизнью литературы – это всегда неоднозначный опыт для литературоведа. У нас нет и, скорее всего, никогда не будет достаточно надежных инструментов, которые позволили бы устранить пропасть между двумя противоположными образами литературы: литературным канонem, то есть готовым сводом признанных авторов и книг и хаосом живой словесности. Мы точно знаем, что знание первого мало помогает разобраться во втором, иначе мы бы могли безошибочно угадывать (а то и искусственно моделировать) великих писателей среди, например, участников литературных курсов для начинающих. К счастью, в реальности это останется интригой на долгие годы. Поэтому мне было интересно попытаться показать, как выгля-

дит актуальный книжный мир глазами историка литературы. В конце концов, если я и не могу всерьез присваивать себе пророческую роль, филологическая привычка выхватывать из океана текстов лейтмотивы и тренды все же дает ресурсы для систематизации, без которой любой разговор о больших процессах будет пустым.

Как прогнозировать будущее литературы? Этот вопрос мне кажется важным и для науки, потому что нельзя исследовать историю, не думая о ее проекции вперед во времени, и для самих строителей литературного пространства, писателей, критиков, издателей – потому что даже самым отчужденным гениям и самым некоммерческим проектам дух времени небезразличен. Любопытно, что в диалоге этот вопрос неизменно трансформируется в другой, кажется, ставший уже чересчур привычным – есть ли у литературы будущее? В таком варианте тема становится более привлекательной для газетных заголовков, но, на самом деле, ее обсуждение тогда даст очень мало интересных результатов. Слишком велик соблазн поддаться либо негативному, либо позитивному пафосу и начать предрекать (не в первый раз за столетие) немедленную смерть литературы или, наоборот, ее неизбежное торжество. Разумный ответ, между тем, получится простым и скучным: хотя литературные институции и профессии, какими мы их знаем, сильно меняются с каждой эпохой, само словесное искусство, по-видимому, должно существовать столько же, сколько существует язык, и исчезнет только вместе с людьми.

Говорить о том, как конкретно меняется на наших глазах литература, гораздо увлекательнее, но и сложнее. Ни классическое образование, ни читательский энтузиазм не помогают объективно оценить все новые тексты сразу. Как ни очевидна эта проблема, гуманитарные науки, работающие с текстами, не так давно подошли к попыткам ее решения. Если лингвистам удалось уже достаточно далеко продвинуться в работе с большими данными, то для исследователей литературы это пока еще спорная зона. Спорными для коллег, к примеру, остаются эксперименты Франко Моретти, который в своей лаборатории

в Стэнфорде поставил задачу изучать литературные тренды не по отдельным выдающимся книгам, а обрабатывая с помощью новых технологий весь огромный массив реальных книг – гениальных и посредственных, популярных и навсегда забытых. «Дальнее чтение» Моретти ценно не только как провокация в адрес традиционной теории литературы, рассчитанной на пристальное чтение немногих избранных произведений. Ему как минимум удалось наглядно доказать, что доминирование романного жанра во всей мировой литературе сегодня – результат однотипных процессов, резких взлетов читательского интереса к роману, которые проходили в почти одинаковом темпе в литературах разных стран в разное время – в постколониальной Нигерии точно так же, как в постромантической Европе. Правда, чтобы убедительно показать более сложные тенденции, чем распространение или угасание целых жанров, пока еще требуется традиционное «близкое» (или «медленное») чтение, которое не освободишь от человеческого фактора.

Может быть, главное, что может подсказать опыт современного литературоведения тем, кто вовлечен в литературные практики – это осознание, что понять и описать новейшую литературу не получается с помощью классического представления о литературных эпохах. В ситуации после постмодернизма, как показывает и массовый сдвиг в интересах исследователей, меняется не столько доминантный стиль или эстетическая мода, сколько само представление о том, что такое литература, из чего она состоит и кто или что ею управляет.

В первую очередь с каждым годом все заметнее, как литература разветвляется и разбегается по разным читательским нишам. Все труднее становится говорить о литературном «мэйнстриме», о магистральной линии или о ведущих направлениях. Даже подозрения о смерти литературы, кажется, отчасти связаны именно с этим эффектом. Теперь почти нет актуальных книг, которые читали бы все, которые казались бы обязательными для разговора о культуре. Филологов все еще

по привычке спрашивают, какие книги нынче «надо читать», но отвечать на этот вопрос сейчас сложнее, чем когда-либо. Престижные литературные премии еще удерживают внимание к себе и гарантируют лауреатам рост тиражей и критического интереса, но уже рискованно советовать начинающим авторам ориентироваться на премиальные шорт-листы. Полвека назад было примерно понятно, каким нужно быть писателю, мечтающему о статусе нобелевского лауреата – желательно было писать серьезные романы, встроенные в европейскую традицию, достаточно оригинальные по художественному языку, но также задевающие универсальные, общечеловеческие темы. Теперь этот рецепт бесполезен: все традиционные механизмы признания, включая нобелевский комитет, озабочены не утверждением будущих незыблемых ценностей, а поисками разнообразия и равноправной репрезентации всех форм литературы и всех возможных идентичностей.

Растущее сомнение в общепринятых иерархиях касается и другого наследия XX века – деления литературы на «элитарную» и «массовую». Если для постмодернистов стирание этой границы было предметом литературной игры со стороны «немассовых» писателей – когда, к примеру, Умберто Эко использовал одновременно узнаваемые детективные клише и избыточные для популярного жанра аллюзии – то в современной литературе саморефлексия, игра и ирония характерны и для совершенно коммерческих авторов. Нам стоит ждать, возможно, окончательной дискредитации идеи массовой литературы.

Показательный пример – дискуссия, случайно возникшая вокруг «Погребенного великана», последнего романа недавнего нобелевского лауреата Кадзуо Исигуро. Герои романа путешествуют по полумифической древней Британии, в их мире есть огры и драконы, и им встречается один из рыцарей Круглого стола: если бы не «серьезная» репутация Исигуро, издатели наверняка отправили бы роман в категорию фэнтези. Когда сам автор в одном из интервью сказал, что его книга читателям фэнтези вряд ли понравится, это вызвало возмущенную реакцию другой замечательной писательницы, Урсулы Ле

Гуин, всю жизнь настойчиво боровшейся с презрением критиков к фантастической литературе. В определенном смысле оба были правы. «Погребенный великан», несмотря на дракона, ближе к Кафке, чем к Толкину: это роман-притча, в котором нет ни детально выстроенного, красочного фантастического мира, ни классических для фэнтези героев и квестов. С другой стороны, в мире фэнтези уже достаточно текстов не менее оригинальных и сложных, но их авторы, как было с той же Ле Гуин, долгое время не могли рассчитывать на классические премии и уважение критиков. Читателей нового поколения, кажется, эти предрассудки волнуют все меньше. Неслучайно в актуальной русской литературе так много сильных авторов, уже не в ироническом ключе работающих с возможностями фэнтези или хоррора – Алексей Сальников, Мария Галина, Анна Старобинец.

Другой большой тренд тоже связан с трансформацией границ, на этот раз в более буквальном смысле – границ географических, языковых, культурных. Время жестко отграниченных друг от друга национальных литератур уходит, и литературная карта мира меняется с огромной скоростью. XX век был эпохой изгнанников, эпохой вынужденных миграций, когда для многих писателей, как для Набокова, жизнь на две культуры и два языка была опытом не только творчески продуктивным, но и трагическим. В современном мире язык и культура чаще могут быть для писателя предметом осознанного свободного выбора: так, Джонатан Литтелл, автор «БлаговолиТЕЛЬНИЦ», одного из самых обсуждаемых романов XXI века, американец из англоязычной семьи с российскими корнями, живет в Испании и пишет на французском – и за этим необычным статусом уже не стоит историческая трагедия. На другом, неевропейском полюсе – множество новых, как правило, постколониальных литератур, которые в поисках собственного голоса производят десятки блестящих молодых авторов, не пытающихся упростить или скрыть двойственность своего культурного багажа.

Это значит, что современному автору необязательно присо-

единяться к большим сообществам, чтобы найти больше читателей. Парадоксально, но глобализация не всегда уничтожает самобытность: ускорение коммуникаций усилило интерес к локальным культурам, к отдельным регионам или городам. Будущее русской литературы, очевидно, связано с преодолением неравновесия, вызванного централизацией, и с переключением внимания на нестоличную творческую жизнь.

Во второй половине XX века многие теоретики литературы начали искать способы исследовать не только то, как создаются художественные тексты, но и как их воспринимают. Мы научились видеть, как смысл книги складывается из множества ее прочтений, интерпретаций, реакций, в том числе неожиданных или конфликтных. Идея, что центральную роль в литературе играет читатель, в современном мире понятна уже далеко за рамками науки: если статистически читающая публика и уменьшается, то ее активность и чувство сопричастности к литературной жизни только растет.

Молодым писателям сегодня, пожалуй, нет смысла раздумывать, к какому литературному течению они принадлежат – если только они сами не хотят рискнуть и стать лидерами какого-то нового движения. Авторское самоопределение в новой литературе требует сознательной солидарности скорее с той или иной читательской группой, с той или иной нишей интересов, чем с традиционными составляющими литературной системы. Мы можем сколько угодно спорить о том, насколько близка смерть профессиональной критики, литературных премий, журналов или издательств, но для будущего литературы достаточно, чтобы новые авторы находили своих читателей.

Вячеслав Шалугин
*прозаик, автор
популярных романов
в жанре фантастики*

**Для участников проекта
«Молодежные литературные курсы
имени В. Я. Зазубрина»**

Внятно формулировать мысли и грамотно излагать их на бумаге учат на специальных факультетах университетов. Занимаются этим специалисты в области филологии и педагогики. Не буду отнимать у них хлеб и погружаться в «технические» детали творческого процесса. Заострю внимание на нюансах именно творческих, зачастую едва уловимых, но придающих тексту определенную форму, наполняющих его «изюминками», делающих его живым, «атмосферным» и душевно близким читателю.

Но начну не с этого. Давайте, прежде всего, определимся, кто такой писатель и как он вообще живет?

Откуда берется вдохновение?

Ответить крайне сложно. Дело в том, что понятие «вдохновение» имеет значение скорее для поэтов, чем для писателей. Связное и нескучное изложение текущих мыслей на бумаге, то есть проза, требует совершенно иных стимулов, подхода и настроения. Ведь невозможно удерживать вдохновение в течение трех месяцев, а то и полугода, пока пишешь большую повесть или роман. Так что для написания книг требуются, кроме литературных способностей, самодисциплина, ясность мышления, логика, наблюдательность и фантазия. Когда все сходится, человек способен стать автором, если же чего-то не хватает – не способен, поскольку только дисциплина дело наживное, а все остальное дается сразу, от природы.

Должен ли писатель быть одновременно читателем?

Нельзя быть вещью в себе. Даже если внутренний мир необычайно богат, не факт, что его описание вызовет у читателей положительную реакцию. Важно излагать свои мысли так, чтобы вызвать интерес к герою, сопереживание, в идеале – чтобы читатель идентифицировал себя с героем. Для этого требуется наделить героя привлекательными и узнаваемыми чертами (необязательно только положительными). Но чтобы это сделать, следует узнать как можно больше о людях, их интересах, сокровенных мыслях, о мире, в котором они живут. И снова «но». Общаться с достаточным количеством людей «по душам» невозможно, поэтому приходится обращаться к трудам коллег. Кроме прочего, книги зачастую дают и ценные подсказки, как отшлифовать творческий процесс. Так что, да, писатель это, прежде всего, активный читатель. И необязательно читать книги исключительно по «своей» тематике. Собираетесь писать фантастику – не помешает почитать шпионские детективы, а поклонникам фэнтези прямо показано вдумчивое знакомство с историческими романами.

Как работает писатель?

Профессиональный писатель (живущий на гонорары) это

по определению увлеченный и очень трудолюбивый человек. Да, ему никто не устанавливает жесткий график, например, с 9 до 18 каждый день, рабочее время может продолжаться, наоборот, с 18 до 9 или делиться на блоки, но 12 часов в сутки как минимум писатель погружен в работу. Выходной один, и это также обязательное условие – раз в неделю надо «отключаться» полностью. Иначе можно получить нервный срыв. Да-да. Такая вроде бы спокойная профессия изрядно портит нервы. Ведь хороший автор проживает воображаемые жизни своих героев со всеми их передрыгами и приключениями.

Вот почему в одном ряду с врожденными способностями стоит приобретенное качество – самодисциплина. Именно она дает возможность работать много, плодотворно, но не переутомляться и успевать еще очень многое в обычной жизни.

Надо ли вести постоянные записи?

Носить с собой повсюду блокнот или записывать остроумные диалоги знакомых в телефоне совсем необязательно. А вот проговаривать интересные мысли и разыгрывать в воображении сценки, как бы развивая понравившуюся мысль во внутреннем диалоге – весьма полезно. Ведь это подготовка к изложению диалога в виде текста. Чем более живым и отточенным он будет, тем лучше. Так что файлы с «зарисовками», «набросками» и «обломками» в компьютере быть должны. Рано или поздно все пойдут в дело.

Как строится работа над книгой? Должны ли быть у героев реальные прототипы?

Каждая книга пишется не так, как предыдущая. Известны случаи, когда книги писались с чистого листа, без плана и набросков. Но это большая редкость.

Чаще всего сначала пишется план из трех частей: пролог, базовая часть и эпилог. Важно, чтобы пролог и эпилог перекликались между собой, даже если они не будут напрямую связаны с основной частью текста. Базовая же часть делится еще на три: развитие сюжета, кульминация, развязка.

Что же касается героев, они рождаются по ходу пьесы. Не бывает такого, чтобы возник сначала некий героический образ, типаж, а уж после «под него» моделировалась история. Идея книги всегда первична.

И о прототипах. У персонажей редко бывают полностью реальные прототипы. Каждый персонаж – это «авторский продукт». Ведь даже если мы хотим создать словесный портрет реального человека, мы описываем свое видение этого человека. И оно зачастую искажено призмой нашего восприятия – неприязненного или, наоборот, приятельского. Так что чаще всего персонажи – это образы собирательные.

Как и когда редактировать свои тексты? В момент написания, частями или после окончания работы?

Всегда. Это будет самый точный ответ. Утренний блок работы начинается с редактирования написанного вечером, закончил главу – снова редактура, затем подходит очередь частей и всей книги. Причем в законченном виде книга редактируется как минимум трижды: с точки зрения стилистики, удобочитаемости и логических/фактических ошибок. Объем работы большой, но зато не стыдно смотреть в глаза редакторам.

Есть ли секреты, которые помогают в работе над текстом?

Секрет один: не начинать дело, которое не сможешь закончить. А уж если начал, то вкладывать надо не только время и силы, но и часть души. Если пишешь искренне, если сам веришь написанному, то все получится. Естественно, этот рецепт должен подкрепляться определенными литературными способностями и знанием правил, законов жанра и драматургии

Итак, подводя итог – что посоветовать начинающим авторам?

В первую очередь начинающим авторам следует трезво оценить свои силы. Написать одну книгу – еще не значит стать писателем. Входя в эту реку, следует четко понимать, искупаться вы хотите, переплыть на другой берег или же плыть по

ней до океана. «Исккупаться» можно и в рамках самиздата, сейчас в интернете масса литературных площадок, а вот другой берег – это уже работа, и относиться к ней придется серьезно, с полной ответственностью и самоотдачей. Иначе ничего не заработаешь, а только «наработаешься».

Если же уверенность в собственных силах окажется сильнее здравого смысла, надо садиться в удобное кресло и начинать... читать. Много, очень много. И не думайте, что вы прочитали достаточно, прежде чем сели в кресло. Это иллюзия. Когда человек начинает писать, он открывает для себя книги с самой неожиданной стороны, видит их через новую призму и даже прочитанные ранее тексты кажутся незнакомыми.

После первой тысячи книг можно подключать к делу собственные творческие способности. Делать наброски, прогонять через себя характеры, моделировать и записывать диалоги (для многих даже известных авторов – камень преткновения), события, сюжеты. А дальше, после очередной тысячи вновь прочитанных книг и тысячи страниц черновиков, если вы не ошиблись с выбором профессии, наступит нечто вроде просветления. Вы поймете, как строится сюжет, как пишутся диалоги, сколько в каждом герое должно быть от автора, почему нельзя нарушать вековые законы драматургии (даже если вы считаете себя автором-новатором), где баланс между стремительным развитием сюжета и слабым «телеграфным стилем» или между глубокой мыслью и нудной, банальной и ненужной читателю дидактикой. В хороших книгах есть все ответы, надо только выделить и осмыслить, уяснить для себя, применим ли тот или иной прием к вашему произведению.

Евгений Бабилов
*автор идеи курсов,
поэт, директор
Областного
центра русского
фольклора и этнографии*

Об искусстве жить поэтом

Не располагая возможностями
воздействовать на события,
я действую на самого себя.

Мишель Монтень
«Об искусстве жить достойно»

Трагедия любой мифологии – не гибель богов, а равнодушные вчерашних истовых последователей. Не дымятся жертвенники, не возносятся молитвы, не фанатеют поклонницы – и забытые кумиры осыпаются цветной штукатуркой со стен опустевших храмов. А энергичные черти спешно и успешно малюют на освободившемся месте свои brutальные, располагающие и понятные «широким слоям общественности» физиономии в качестве новых идолов интеллектуального и массмедийного пространства.

На мой взгляд, русская поэзия в частности, да, пожалуй, и

русская литература вообще переживают сегодня именно такой период крушения старой и, казалось бы, незыблемой мифологии, изгнания из идеологического райского сада, причем, что обидно то! – яблоки ели другие, а гонят нас. Вчерашние «вершители дум и врачеватели душ» в бозе почили вслед за гоноرارной манной, дарами Литфонда, переделкинскими дачами и балтийскими семинарами. А заполненные зрителями и слушателями (!) поэзии стадионы и площади стали элементами научной и не очень фантастики прошловекового потерянного рая «хомосоветикус». Небожители спустились на землю и вдруг обнаружили, что синее море – это мокро, зимушка-зима – холодно, солнце красное – жарко и т. д. При этом постоянно хочется кушать. Помните, у Шлегелей был сформулирован принцип «романтической иронии», когда поэт ест тушеную капусту и думает о горних высях. Ныне предметом зависти становится не возможность «беседовать с богами», а как раз та самая капуста, особенно с портретами заморских президентов.

Подводя черту, можно констатировать: поэтом нынче быть не почетно и не прибыльно – девушки на стихи клюют редко и вяло, друзья не понимают, толпа не внимлет и не рукоплещет. Так что же может нынешняя интеллектуальная элита предложить молодому человеку, «думающему – делать жизнь с кого?», в качестве бонуса, манка или философемы для рекрутирования его в редеющие ряды «детей Гармонии»?

Владимир Маяковский еще век назад подводил неутешительные итоги:

Хорошо у нас, в стране Советов:
Можно жить, работать можно дружно...
Только вот поэтов, к сожалению, нету.
Впрочем, может это и не нужно.

А, может, и в самом деле «не нужно»? Может быть, мы уже давно читаем стихи на опустевшей площади? Массовое сознание привыкло считать и называть стихами плохо рифмо-

ванную слащавую жвачку поздравительных открыток или откровенный бред самопальных опусов в свободном гуляй-поле интернета. Штамп, причем штамп низкопробный, пафосный, лицемерный и самодовольный, правит бал в умах и сердцах огромной части населения когда-то «самой читающей страны в мире».

Что можно этому противопоставить? И что пытаются предложить в качестве сколь либо серьезной альтернативы организаторы первых в Сибири профессиональных литературных курсов? Да еще под звучным, но очень и очень узко известным именем Владимира Зазубрина. Это в ситуации, когда фамилии Майкова, Багрицкого, Заболоцкого или Слуцкого практически никто из поколения младше 30 («молодежь») не опознает ни по каким строчкам.

Увы, быть поэтом еще и не модно! Раньше слава о дуэлях, запоях и любовных романах знаменитых поэтов пересекала границы, шла в народ, обрастала легендами и домыслами, становилась предметом тайной и явной зависти, образцом для подражания. Сегодня – увы! – иные кумиры, иные скандалы, ориентация и та иная.

Но, вернемся, pardon, к нашим баранам, то бишь основополагающим проблемам и вариантам их решения. Причем, по Монтеню, решению не на уровне общества, а на уровне личности. Что притягательного в образе поэта и образе жизни поэта (писателя, литератора) можно найти для юноши бледного со взором горящим или для девы юной?

Мне представляется, что организаторы литературных курсов сумели найти три точки соприкосновения личностного сознания и традиционного околотрудовителеского мировоззрения:

1. Общение разных поколений – причем общение взаимно интересное, доступное и неспесивое людей, посвятивших словотворчеству всю свою жизнь, и тех, кто еще только впервые прикасается к Слову.

2. Общение в среде «себе подобных», осознание себя не

«белой вороной», а одним из Иных, «скованных одной цепью, связанных одной целью».

3. Ощущение этой самой Цели: постижение Гармонии, органичное принятие ее в себя, осознание сложности и неоднозначности выбранного пути, готовность к собственному словотворческому вкладу в основание новой мифологии и в фундамент будущего Храма.

И, если на обломках штамповластья «напишут наши имена», мы будем рады.

«Поднимись ветер с севера и принеси с юга, повеи на сад мой, – и польются ароматы его!» Песни Песней Соломона 4.16
Товарищ, верь!

Мария Дубиковская
поэт, переводчик

**Что такое хорошо и что такое плохо
(мануал начинающего поэта
в вопросах и ответах)**

– Много писать – хорошо?

«Silentium!» – завещал нам Федор Иванович Тютчев. Что в переводе с латыни значит «Молчание!» «Молчи, скрывайся и таи и чувства и мечты свои».

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.

«Да обретут мои уста первоначальную немОту», – вторил классику Осип Мандельштам.

О чем это они? О том, что Слово не равно Переживанию. Что неловким, небрежным словом можно испортить гармонию, музыку чувств, нарушить хрупкое состояние души. Слово не воробей – вылетит, не поймаешь (не хуже классиков сформулировал русский народ).

С другой стороны, если не писать – как оттачивать перо и набивать руку?

Поэтому – пишите! Но не выкладывайте в Сеть и ради бога не посылайте в издательства. Да-да, быть поэтом – значит работать над текстом. А не вот это «мне сегодня приснилось стихотворение, я проснулся и записал – оцените!»

И помним (хотя это не про нас):

Графомания – непреодолимая страсть к сочинительству у человека, лишенного необходимых для этого способностей.

Страстями – управляем. Способности – развиваем.

– Подражать другим авторам – хорошо?

Подражать – плохо. Но хорошо подражать – можно. В качестве тренировки. Или в качестве пародии. Использовать цитаты из известных текстов (рассуждая или споря на тему цитируемого высказывания) – можно. Брать чужое (и выдавать за свое) – недопустимо! Хорошо – быть оригинальным. Не похожим ни на кого. Ищите свой собственный язык, стиль, выстраивайте персональную систему образов. Будьте не-подража-тельны – и станете неподражаемы.

– Что важнее – рифма или ритм?

Ритм. Нет ритма – нет стихотворения. А без рифмы стихи прекрасно могут обойтись.

Шел трамвай десятый номер
По бульварному кольцу.
В нем сидело и стояло
Сто пятнадцать человек.
(Сергей Михалков)

Стихи? Стихи! Не можете/не хотите рифмовать – ритмуйте!

– Как понять, хорошее перед тобой стихотворение или плохое?

Хорошее стихотворение многослойно. Оно имеет второе дно, подтекст, аллюзии (отсылки к другим текстам, культурам, историческим событиям, мифологии, персонам и персо-

нажам), его можно (и хочется) разгадывать, как кроссворд.

Я писал, что в лампочке – ужас пола.

Что любовь, как акт, лишена глагола.

Что не знал Эвклид, что, сходя на конус,

вещь обретает не ноль, но Хронос.

(Иосиф Бродский)

Хорошее стихотворение может быть и очень простым, прозрачным, ясным. Но при этом оно содержит интересные образы, свежие рифмы, отличается особенной мелодикой.

Отговорила роща золотая

Березовым, веселым языком,

И журавли, печально пролетая,

Уж не жалеют больше ни о ком...

(Сергей Есенин)

Хорошее стихотворение запоминается, западает в душу, поется, «глаголом жжет сердца». И вы поймете это при встрече с ним.

– А как оценить, хорошее или плохое стихотворение написал ты сам?

Если в стихотворении встречается слово «деревенька» – стихотворение плохое. Шучу (вернее, цитирую шутку Рябова). Но не без доли правды.

Вспомним, о чем мы говорили на семинаре:

– Посчитайте слоги в строчках. В рифмующихся строках их должно быть одинаковое количество! Пока не выровняете текст по размеру, переходить к следующему пункту запрещено. Тем более – отправлять критикам. Тем более – выкладывать в сеть: не смей!

– Присмотритесь к рифмам: уберите бедные (тебя – меня), глагольные, однокоренные (ботинок – полуботинок), банальные (вновь – любовь). Насытите текст рифмами богатыми (ку-

рица – Кустурица), составными (небо – мне бы), омонимическими (до сих пор – пар из пор), оригинальными авторскими (но без фанатизма: на первых порах старайтесь, чтобы рифмы были как можно более точными). Старайтесь рифмовать между собой разные части речи: глагол – существительное (бездну – исчезну), глагол – прилагательное (сделала – смелая), существительное – наречие (рана – странно) и так далее.

– Убедитесь, что стихотворение содержит поэтические тропы (эпитеты, метафоры, сравнения и т. д.) – с ними текст богаче, ярче.

– Проверьте текст на штампы – заезженные словосочетания и образы. Безжалостно вырубите все «белые березоньки». Придумайте оригинальный образ или метафору. Сочетайте несочетаемое, будьте смелыми и неожиданными (но сохраняйте при этом смысл и авторскую логику).

– Подумайте о сверхзадаче текста. Для чего вы его написали? Подруге на день рождения? Или «для вечности»? Во втором случае будьте строже к себе и своему творению, не используйте «сиюминутной» лексики, которая завтра будет никому не понятна и неактуальна.

– Не старайтесь писать о большом, всеобщем, глобальном – так легко скатиться в пафос и банальщину. Настоящая поэзия – в мелочах, деталях. Смотрите вокруг, наблюдайте, записывайте, ловите интересные моменты, необычное в природе, состояния души, звукосочетания. Собирайте свою поэтическую копилку – пригодится!

– Будьте честными. Перестаньте писать «на оценку» и на заказ учителей. Не придумывайте душеспасительных позитивных финалов. Пишите о том, что у вас болит, что вас печалит, раздражает, злит – и что радует тоже пишите, но делайте это смело, открыто, во весь голос. Настройтесь на откровенность. Писать стихи – достаточно стыдное занятие: поэт выносит на публику самое интимное, потаенное. Готовы ли вы

к этому? Нет? Тогда – марш писать стихи ко дню строителя и дню работников торговли!

– Не могу придумать, о чем писать! Памагити!

Нет вдохновения – дождись его. Или поработай над уже имеющимся материалом. Часто процесс чирканья ручкой по черновику запускает и вдохновение.

Нет темы для стихотворения? Попробуй поэтически ответить кому-то из известных авторов – развей тему, вступи в дискуссию. Так родятся собственные мысли.

А можешь стать поэтическим Андерсеном – пиши о том, что рядом, придумай историю своего карандаша, напиши от имени окна или аквариумной рыбки – фантазируй. Или – жди вдохновения!

– Почему критики такие злые? Нужны ли молодому автору критики?

– Я тут на скорую руку наваял поэму, вот, посмотрите! Ну как? Ну как? Прочитали? Ну как?? Ярослав М.

Семь раз спроси «ну как?» себя, один раз – критика. Никто не любит сырые нукаки. Нукакай, когда уже поработал над текстом. Если, конечно, не хочешь услышать «ни-как/сыро/надо доработать».

Надо ли реагировать на критику? Надо. Надо ли выправлять свои тексты в соответствии с замечаниями критиков? Ну как... Только ленивый не пожурил Катю Богданову за «слезы, летящие дирижаблями». А ведь это прием. Гротеск, сродни сюрреализму Дали. На который каждый обратил внимание. Защищайте свои дирижабли, если чувствуете, что они оправданны. Прислушивайтесь к критике, но фильтруйте ее. Станьте первым критиком себе сами. К черту восторженность. Помните про «силентиум». Чувствовал целый мир, выплеснул его на бумагу – получилась клякса – что делать? Вычистить ее – или доработать до импрессионистского полотна. Работайте над текстом, и хороших текстов станет больше.

– Можно ли заработать поэзией?

Стихотворными текстами – да. Поэзией – нет. Если вы готовы писать корпоративные гимны и поздравления на заказ – смело монетизируйте свое умение рифмовать! Если хотите собирать стадионы (или хотя бы ночные клубы) – развивайте поэтическое мастерство и обязательно работайте над сценической речью. Если хотите издаваться... тут все сложно, и, скорее всего, издаваться придется сначала за свой счет. Издательства не публикуют стихи малоизвестных поэтов. Поэтому придется обрести известность – или не замахиваться на всемирную славу, а писать для не слишком широкого круга понимающих (поклонников и местных, как правило, поэтов). А красиво ли «быть знаменитым» – каждый решает сам для себя. В любом случае, сначала обретите профессию, которая будет вас кормить.

– Как развить свое поэтическое мастерство?

**– Ребят, помогите! Как правильно –
менестрелью или менестрелем*?
(из чата Зазубринок)**

Много читать! Классиков и современных авторов. Будьте уверены – они уже написали про всё, про что собирались написать вы – и гораздо лучше вас. Возьмите за правило читать несколько стихотворений классиков и современников перед сном. Подпишитесь в VK на (проверенные) сообщества, где публикуют хорошие стихи. Следите за современной поэзией.

Прозу, тоже, естественно, чтим! Чтение мировой художественной литературы расширяет ваш словарный запас, кругозор, систему образов, развивает грамотность и умение выражать мысли – и просто делает вас человеком, с которым есть о чем поговорить.

Читая, анализируйте текст. Какие приемы использовал ав-

тор? Какие необычные рифмы? Какая тема его волновала? Какими способами он донес свои мысли и переживания? А я так смогу? (и вот уже руки тянутся к перу, перо – к бумаге...)

Вступите в какое-нибудь поэтическое литобъединение. Еженедельные обсуждения ваших и чужих текстов помогут вам получить обратную связь (а еще такие объединения часто издают собственные альманахи – неплохой шанс быть изданным еще до того, как стать знаменитым!).

Участвуйте в конкурсах, но не подчиняйте целиком свое творчество их тематике. Оставайтесь собой, пишите не «как надо», а как чувствуете, пропускайте любую тему сквозь себя.

Не старайтесь писать больше, не замахивайтесь на «лучше», чем другие – пишите иначе. Ищите свое поэтическое «я» – и (дай бог) обрящете!

*Менестрель – он! Поэт-музыкант. Творительный падеж – менестрелем. Даже если менестрель – девочка.

Творческих вам находок, поэтического задора и неиссякаемого вдохновения!

Павел Куравский
*поэт, журналист,
соруководитель
Новосибирского
отделения Совета
молодых литераторов
при Союзе писателей
России (творческая
мастерская ЛИФТ)*

Чтение как способ самосохранения нации

...Наши дети, наши внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию,

в которой мы когда-то (то есть вчера) жили,
которую мы не ценили, не понимали, —
всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...

Иван Бунин

В качестве личного предисловия. У меня на книжной полке стоит очень дорогая для меня книга ранних повестей и рассказов Аркадия Гайдара «Лесные братья», изданная в разгар перестройки. Эту книгу подарила мне моя тетя.

Много лет я не открывал книжечку после того, как впервые прочел ее в юности. И вот — несколько лет назад она попала мне на глаза. Я решил перечитать эти действительно прекрасные, крайне редко издаваемые повести молодого еще Гайдара. Раскрыл томик — и обомлел, забыв, что под обложкой тетушкой была проставлена дарственная надпись. Вот она, дословно:

«Павлу в день, когда он стал пионером. Будь самостоятельным, всегда помни: лучший советчик – твоя собственная совесть. Старайся не совершать поступки, которых потом будешь стыдиться. 21 апреля 1989 года. Тетя Лена».

Я держу в руках эту втрое дорожную мне книгу. Смотрю на эту надпись красными чернилами. Я понимаю, что этот подарок – мне, и дарственная надпись обращена ко мне. И – ни за что не могу поверить, не могу сложить в своей голове, что тот «Павел», к которому была обращена надпись – ТОЖЕ я.

Прекрасно осознавая, что только один из сотни нынешних подростков догадается, почему в пионеры в числе первых принимали 22 апреля или в преддверии этого дня, я все-таки не могу убедить себя в том, что это было именно со мной. Что это именно меня торжественно принимали в предпоследние пионеры (потому что в 1991 уже вся пионерия со всей вышестоящей коммунистической иерархией пошла прахом). Не могу поверить, как ни стараюсь, что это было именно со мной, именно в той стране и – в ЭТОЙ жизни!..

Да полно! – в этой ли? Юная новосибирская поэтесса Геля Бессмертная так закончила свое пронзительное стихотворение «Плаха», посвященное монументам на нашей площади Ленина:

Пусть время нас смогло всего лишить.
Мы выросли, исполнены угрюмости.
Но Ленин жив, и вечно будет жить,
Как признак неизбежной нашей юности!

И если бы не книга Гайдара в руках, если бы не это вещественное доказательство, мне абсолютно не на чем было бы укрепить другой конец моста – того, который уходит от нас сегодняшних в непроглядную темноту и по которому движение – только вперед...

Знаменитый поэт, писатель, драматург, мемуарист, друг и

сподвижник Сергея Есенина по имажинизму Анатолий Мариенгоф когда-то написал: «Если бы меня спросили, что в жизни необходимей – хлеб, нефть, каменный уголь или литература, я бы, не колеблясь, ответил – литература. Это понимают еще немногие». Попробуем расшифровать...

Мариенгоф, разумеется, не был глуп, наивен или безумен. Само собой, в век технологического прогресса он прекрасно осознавал важность и необходимость энергетики, стратегических видов топлива и хлеба насущного. Сентенцию Мариенгофа о необходимости литературы нам помогает правильно понять Иосиф Бродский.

Легендарная «Нобелевская лекция» Бродского содержала такой посыл: «Если тем, что отличает нас от прочих представителей животного царства, является речь, то литература, и в частности поэзия, будучи высшей формой словесности, представляет собою, грубо говоря, нашу видовую цель. <...> Существование литературы подразумевает существование на уровне литературы – и не только нравственно, но и лексически».

Литература как видовая цель! Выжить – не только и не столько хромосомно, выжить – лексически, читай – лирически. Потому что без речевой составляющей наш выживающий набор хромосом мало чем отличается от набора хромосом выхухоли русской или майского жука. Исходя из этого посыла каждое произведение надо стараться писать так, чтобы выжить – если не автору лично как индивидууму (как раз зачастую настоящим авторам это не удастся), то как минимум человечеству – то есть биологическому виду.

Литература – лучшее, что может случиться с творческим человеком вообще, а с русским – в особенности. Литература – это высшая форма сознания, высшая форма творческой деятельности, успеха в искусстве. Но это, так сказать, в частном порядке, индивидуально. Есть у литературы и важная общественная миссия.

Сегодня так много и на всех уровнях – от президента страны до поселкового депутата – говорят о недопустимости перевирания, переписывания истории, в частности – военной истории нашей страны. При этом мы за двадцатый век (плюс сегодняшние 20 лет века двадцать первого) жили в трех разных государствах, каждый раз наглухо забивая досками вход в свою предыдущую историю, тщательно ее вымарывая и переписывая. Фактически это делается в России при каждом новом большом правителе, и в последний раз преемственность истории и строя сохранялась при Николае Втором – истории империи Романовых.

Февральская революция перечеркнула царскую Россию. Ленин перечеркнул и то и другое. Сталин довел эту работу до совершенства, значительно оттенил и видоизменил наследие самого Ленина и первых лет большевизма. Хрущев своей оттепелью отправил в небытие Сталина. Брежнев закрыл Хрущева. Горбачев отринул эпоху застоя. Ельцин сбросил Горбачева и весь советский строй. Сегодня сам Ельцин в официальной пропаганде – один из самых неудачных периодов в нашей истории, а его деятельность воспринимается как преступление, с оттенком презрительной насмешки. И у нас, увы, крайне мало оснований предполагать, что эта тенденция отрицания скоро прервется...

Поскольку Россия никогда не была свободной страной с точки зрения «оборота общественной мысли», русская литература благодаря своей особой метафорической емкости во все времена несла в себе содержание и функции, не свойственные литературам зарубежных стран. Русская литература с самого начала ее современного века, со времен Тредиаковского и Ломоносова, выполняла правозащитные, юридические, просветительские, пропагандистские, политические, социальные и многие другие функции. Именно поэтому с таким удивлением и недоумением современники относились к первому «чисто-

му» большому русскому писателю – Владимиру Набокову – Сирину. Он и по сей день стоит особняком...

Одной из важнейших добавочных функций русской литературы, как мы это особенно остро видим теперь, является способность сохранения и донесения исторической памяти. Те социально-исторические разрывы, которые мы переживали в последние полтора века, невосполнимы и непреодолимы.

Мы, увы, уже очень давно не наследуем дореволюционную Россию и Россию русского зарубежья – мы просто местоблюстители, живущие в том же ареале – как жители нынешнего Египта на территории Древнего Египта, как нынешние итальянцы – на холмах Древнего Рима.

Россия отошла, как пароход
От берега, от пристани отходит.
Печаль, как расстояние – растет.
Уж лиц не различить на пароходе

– писал лучший харбинский поэт Арсений Несмелов.

Сейчас уже явно виднеется поколение, родившееся и выросшее в двадцать первом веке, которое никак не наследует нас, людей советского времени, а тем более – наших бабушек и дедушек. Этот разрыв, в сочетании со стремительными научно-технологическими новшествами, также непреодолим. Советский Союз для наших детей уже становится глубокой историей, в лучшем случае – мифологемой. И в этом очередном беспамятстве таится огромная опасность. Очень метко когда-то об этом сказал поэт Игорь Губерман:

Любую можно кашу моровую
Затеять с молодежью горлопанской,
Которая Вторую мировую
Уже немного путает с Троянской.

Именно поэтому, чувствуя опасность размежевания, расхождения берегов, россияне «снизу», а не навязыванием сверху – так крепко полюбили и так широко приняли идею Бессмертного полка.

Дореволюционную Россию мы если еще хоть как-то можем воспринимать и «понимать», то исключительно через нашу великую литературу. Только в ней мы еще способны потянуть за какие-то нити, которые привязаны к нашему далекому позапрошлому.

Кто, кроме историка, ответит сегодня без запинки, что такое «тайный советник»? Почему «тайный»? Если были «тайные», значит, могли быть и «явные»? «Купец первой гильдии» – надо понимать, что была как минимум и вторая? Кто такие «фельдфебель», «урядник» и «земский доктор»? Что значит «магазин мужского платья»? Или «Анна на шее»? Или «реальное училище»? Почему «реальное»? Могли существовать и «виртуальные»? Что больше – «двугривенный» или «пятиалтынный»? «Не было ни гроша, и вдруг алтын» – что с чем сравнивается и в чем здесь горькая ирония? У Булгакова Шариков возмущается: «Еще за такого мерзавца полтора целковых платить!» – это сколько?

Но это термины, так сказать, позапрошлой эпохи. А что же поколение-21 скажет об эпохе прошлой – казалось бы, совсем недавней, той, в которой нас к 22 апреля торжественно принимали в какие-то пионеры? Что такое «Совнархоз»? Кто такой «комсорг»? Что значит «достать дефицит из-под прилавка»? Что такое «перфокарта», «копирка» или «сургуч»? Как это – «пласты на костях»? Что такое «варенки» и бобины? Почему дороже фирмового пласта с «Дипами» была только «бобина» с Высоцким? Если мы и можем это не только уточнить у старших, но и оживить в памяти – то исключительно благодаря литературе.

Нет, я не говорю, что вышеозначенные понятия – ключевые или особенно высокодуховные. Речь только о том, что ответ на эти вопросы сегодняшним тинейджерам уже неочевиден.

Сегодня, стремительно утрачивая связь с советской эпохой, мы снова угождаем в историческую яму, валимся в исторический провал. Об этом опасном провале, который характеризуется как раз паническим перевиранием истории и паническим же страхом таких перевираний, говорил все в той же Нобелевской лекции Иосиф Бродский:

«...не может быть законов, защищающих нас от самих себя, ни один уголовный кодекс не предусматривает наказаний за преступления против литературы. И среди преступлений этих наиболее тяжким является не цензурные ограничения и т. п., не предание книг костру. Существует преступление более тяжкое – пренебрежение книгами, их не-чтение. За преступление это человек расплачивается всей своей жизнью; если же преступление это совершает нация – она платит за это своей историей».

В чем же конкретно заключается эта тяжелая «плата»? Да в том именно, что, как и в природе, в народной исторической памяти для остойчивости и устойчивости важен баланс, взаимоуравновешивание. Память подобна океану, и, если ее осушить – умрет все живое, потому что не может быть океана без воды. Но еще опаснее другое: любая лагуна в памяти не будет пустовать, она будет заполняться лже-памятью, чем-то подложным. Таким образом, выбрасывая из нашей памяти значимые приметы и подробности прошлого, мы выбиваем из своего фундамента небольшие, но важные камни. И однажды дело дойдет до ключевого, краеугольного...

Вот об этой-то опасности и говорит нам Иосиф Бродский – последний на сегодняшний день русский писатель – Нобелевский лауреат по литературе. Я вовсе не утверждаю, что Нобелевская премия – высшее мерило, «категорический императив» литературной гениальности. Я только констатирую факт: сегодня России некого выдвинуть на соискание Нобелевской премии по литературе...

Настоящая и ненастоящая литература

Что же такое НАСТОЯЩАЯ литература, которая несет на себе вышеозначенные функции и как отличить подлинную литературу от макулатуры? Единой системы рецептов здесь нет, и не может быть. Вкус и чутье настоящей литературы воспитываются в человеке сложными, многосоставными процессами и институтами – семьей, системой образования, библиотекой и, конечно же, самим человеком.

Если все-таки говорить о некоторых явных признаках настоящей русской литературы, то один из них мы уже обозначили – это историческая ценность, исторические метки своего времени, способные стать вневременными. Как само собой разумеющееся обозначим неординарность сюжета и небанальность языка – то главное, что отличает магистральную литературу от «pulpfiction» – бульварного чтива.

Второй очень важный признак – свобода творчества. Осип Мандельштам в эссе «Четвертая проза» сформулировал свое кредо так: «Все произведения мировой литературы я делю на разрешенные и написанные без разрешения. Первые – это мразь, вторые – ворованный воздух. Писателям, которые пишут заранее разрешенные вещи, я хочу плевать в лицо...»

Ворованный воздух – насколько точный и убедительный образ! Мы дышим воздухом всю свою жизнь и не задумываемся о том, как мы это делаем и делаем ли вообще. Ненастоящий литератор, графоман – это тот, кто, по меткому народному выражению, «свистит, как дышит» – то есть, не прилагает к своему творчеству роковых усилий. Напротив, настоящий писатель не способен пользоваться общедоступным благом, ему не дышится так же незаметно, как всем. Он, фигурально выражаясь, **ВЫНУЖДЕН** воровать воздух, чтобы жить и творить, чтобы вдохнуть этот украденный воздух в свое творчество, пострадать за свое воровство, но дать уже нам возможность свободно дышать в атмосфере его произведений.

Третий существенный признак – простота высшего порядка. Не простота, которая хуже воровства, а именно искусством достигнутая простота совершенства. Удивительно, но просто написать сложнее, чем писать сложно. Есть такое народное выражение – «сердце кровью обливается». Обычно так говорится о том, на что невозможно смотреть без жалости. И надо понимать, что это, при всей глубокой фольклорности, сугубо буквальное, кардиологическое выражение. Потому что при

учащении сердцебиения, при повышении артериального давления от сильной эмоции наше сердце действительно кровью обливается.

Так и лучшая литература – максимально проста и буквальна. «Шел дождь. И перестал. И вновь пошел» – это Пушкин, «Скупой рыцарь». «Это – лучшая поэзия на земле», – говорил об этой строчке Сергей Довлатов.

Четвертый существенный признак – это «цитатность» литературы. Ни для кого не секрет, что яркие отрывки из поэзии запоминаются проще, чем цитаты из драматургии и, тем более, прозы. Поэзии в этом смысле очень помогают ритмика и музыкальность, драматургии – театральные постановки и экранизация пьес. Однако и проза, особенно на родном языке – большой источник цитат и афоризмов. Классический пример широкого свободного цитирования – книги Ильфа и Петрова про приключения Остапа Бендера и его подельников.

Но здесь мы касаемся очень важного вопроса высокого уровня читательской культуры, широты круга чтения и глубины погружения. Писатель, поэт, драматург должен быть начитанным и постоянно расширять свой круг чтения. Это, в свою очередь, позволяет расширять личное «цитатное поле» – очень важное качество для людей многих гуманитарных профессий.

Мы помним два первых предложения из «Анны Карениной» – две столбовые цитаты: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по своему» и «Все смешалось в доме Облонских». Но вряд ли так же буквально мы вспомним из этого романа что-то еще. Впрочем, и это не так уж мало! Для расширения цитатного поля с самой юности надо учиться читать книги с карандашом или ручкой в руке, чтобы делать пометки на важных или ярких местах, а в конце книги указывать страницы с помеченными местами. Очень полезный навык!

Так у меня набралась внушительная коллекция цитат, очень

помогающих в жизни и в работе – в том числе в журналистике и в преподавании. Опять же, надо быть еще немного писателем, поэтом, уметь почувствовать этот нелинейный привкус удачного слова, словосочетания, смысла, увидеть еле уловимый оттенок.

Скажем, в «Блистающем мире» Александра Грина в ночном городе по площади бродят ТЕНИ собак!!! Это так прекрасно! У Бориса Балтера в повести «До свидания, мальчики» сказано: «Эхо от ударов топора было громче самих ударов».

Борис Пастернак, «Доктор Живаго»: «Она вошла, шагами расталкивая свое платье, словно переходя его вброд» – какой дивно точный и яркий, а главное – сколь ощутимый образ!

А сколько различных эмоций можно почерпнуть в широкой русской литературе!

Михаил Булгаков, «Дни Турбиных»: диалог о питье водки между Лариосиком и Мышлаевским во время застолья:

Лариосик: Как это вы ловко ее опрокидываете!..

Мышлаевский: Достигается упражнением!

Юрий Тынянов, «Пушкин»: «А что, друг мой, ты можешь сказать об общих свойствах тел? – спросил дядя, с удивлением глядя в расписание.

Ответ племянника удовлетворил его краткостью и точностью. Тела были твердые, текучие и газообразные. Василий Львович убедился с удивлением, что влагал совсем иной, неуместный смысл в понятие свойства тел».

Константин Вагинов, роман «Бамбочада»: «Евгений испытывал не страх смерти, а стыд смерти. Он чувствовал приближающуюся смерть как поражение, как не предусмотренный им проигрыш».

Большая кладезь подобных самородков – и в славной новосибирской литературе недавнего прошлого. Владимир Зазубрин, роман «Горы»: «Всадник вздрагивал от сырости. Он словно мокрой ночью проезжал через всю свою жизнь».

И еще Зазубрин: «Недавно по этим сопкам прошли белые и красные. На белом снегу следы белых и красных были одинаково красны».

Конечно, много таких запоминающихся цитат-меток мы находим и в зарубежной литературе, но здесь очень важно качество перевода и читательский уровень переводчика. Классик американской литературы Шервуд Андерсон: «Когда мы умрем, миллионы дураков переживут нас». Почувствуйте разницу между настоящими литературными цитатами и псевдоафоризмами из соцсетей!

Наконец, пятый (но не последний!) признак настоящей литературы – это ее актуальность за пределами своего времени, своего поколения, своего круга.

«Горе гостило, и беды свивали гнезда в аулах Чечни и под крышей украинской хаты <...> по Кавказу горцы кричат: «Долой гяуров», – в Чечне у каждого богача и у каждого разбойника своя партия – все друг друга режут, ингуши подняли белый флаг на покорность, а Дагестан предается исламу и Турции...

На Хасав-Юрте фронтовиков встретили хуторяне. Путаясь в кожных, они бегали перед вагонами и на разные голоса причитали:

- Служивые, оборони... Родимые, защити.
- Что такое?
- Чечены нас забирают... Грабежи, убийство...

Собрали митинг и постановили – подать помощь от нападов чеченов. Дело было ночью. По направлению к горам постреляли из пушек, не сгружая их с платформ. Набрался отряд охотников, набросились на ближайший аул. Аул горит, трещит, искры сыплются, бабы и ребятишки воют, чечен стреляет до последнего.

Наменяли у мужиков хлеба на оружие и поехали дальше».

Это не 2000 и не 1995-й год, это из книги Артема Веселого о гражданской войне «Россия, кровью умытая» – 1928 год!!!

Требования современной литературы – объемы, жанры

Что читает современный читатель? И в каком объеме? Можно ли ожидать, что в эпоху твиттера и смс, инстаграма и ватсапа пользователь будет массово читать книги объемом с «Капитал» и «Войну и мир»? Трудно... Но и это уже давно предвидели русские писатели!

Юрий Олеся еще в 30-е годы прошлого века в книге «Ничья без строчки» писал: «Современные прозаические вещи могут иметь соответствующую современной психике ценность только тогда, когда они написаны в один присест. Размышление или воспоминание в двадцать или тридцать строк – максимально в сто, скажем, строк – это и есть современный роман. <...> Большие книги читаются сейчас в перерывах – в метро, даже на его эскалаторах, – для чего ж тогда книге быть большой?»

Юный поэт Кирилл Мариенгоф, сын Анатолия Мариенгофа, писал в своем дневнике: «Будущее поэзии, если у нее вообще есть будущее, заключается в коротких лирических стихах, которые можно будет прочитать, стоя в небольшой очереди за хлебом».

Наконец, удивительный ленинградский писатель Леонид Добычин, замученный и доведенный до самоубийства в те же 30-е годы, чье собрание сочинений ВСЕ умещается в один небольшой том, писал очень тщательно, медленно, обдумывая каждое слово – и это надо понимать буквально. Он говорит в одном из писем Михаилу Слонимскому о своем романе «Город Эн»: «Роман уже начал, уже написано 700 слов».

Если говорить о жанрах и их иерархии, то мы живем в удивительное время сдвига привычных предыдущим поколениям читателей парадигм. Классический роман (вопреки утверждениям некоторых новосибирских филологов!) во второй половине XX века перестал быть центрообразующим жанром в русской литературе, продержавшись в этой роли почти целое

столетие. Отказ от романистики – устойчивая тенденция всей мировой современной литературы. Роман сместили с трона два новых жанра-демиурга – мемуар и анекдот, а также псевдороман в отдельных историях.

Варлам Шаламов в заметке «О прозе» отказ от формы романа в пользу мемуара объяснял так: «Роман умер. И никакая сила в мире не воскресит эту литературную форму. Людям, прошедшим революции, войны и концентрационные лагеря, нет дела до романа. <...> Потребность в искусстве писателя сохранилась, но доверие к беллетристике подорвано. <...> Огромный интерес во всем мире к мемуарной литературе – это голос времени, знамение времени. <...> Я не пишу воспоминаний... <...> ... Я не пишу и рассказов – вернее, стараюсь написать не рассказ, а то, что было бы не литературой. Не проза документа, а проза, выстраданная как документ».

Прекрасной катастрофой русского классического романа, последним произведением в этом жанре Шаламов назвал, может быть, сильнейший русский роман всего двадцатого века – «Доктор Живаго» Бориса Пастернака.

«Проза, выстраданная как документ» – эту шаламовскую сентенцию развил Сергей Довлатов, избравший, правда, не мемуар, а анекдот. Довлатов писал: «За последние годы российская проза все более тяготеет к документализму, и дело не только в использовании реальных фактов, упоминании реальных лиц и событий, цитировании документов, все это было и раньше. Мне кажется, жанр, в котором я работаю, связан с попыткой синтеза художественных и документальных приемов, я пытаюсь создать художественное движение в прозе, результатом которого является документ. Говоря проще, речь идет не об использовании, а о создании документа – художественными средствами».

В этой манере русская проза обрела за XX век много выдающихся произведений – это и «Некрополь» Ходасевича, и

«Роман без вранья» Мариенгофа, и «Современники» Чуковского, и «Другие берега» Набокова, и «Алмазный мой венец» Катаева, и «Поезд на третьем пути» Дона-Аминадо. В этот ряд, кстати, достойным томом встает мемуарная трилогия новосибирской писательницы Ларисы Кравченко о русском Харбине.

Правильные подходы к литературе

Вряд ли кто-то всерьез оспорит тот грустный факт, что для большинства граждан литература, в том числе русская, ограничивается списком произведений в школьном учебнике. Виною тому, среди прочего – косность, однотипность и нетворческий подход к подаче материала в системе среднего образования. Желание дать все и уместить это в десять лет играет с литературой злую шутку. Несвоевременно, не по возрасту и разуму насильно даваемые книги навсегда отторгают юные создания от чтения литературы. Увы, профильных классов по литературе в наших школах практически не существует. Именно поэтому литкурс имени Зазубрина так значительно, по мнению самих семинаристов, отличался от того, что им под видом литературы предлагают проходить в их школах, гимназиях и лицеях.

Искусство правильного чтения, системы чтения – большое искусство, которому можно посвятить не одну монографию! Один из важнейших секретов этого искусства мне когда-то раскрыл замечательный писатель, классик научно-социальной фантастики Борис Стругацкий. Я пытался вытянуть из Бориса Натановича какое-нибудь доброе пожелание начинающим поэтам – участникам Новосибирского поэтического марафона. Но хитрый мэтр не стал мне потакать и из маститого писателя обратился в одного из нас. Стругацкий на мою просьбу о содержательном пожелании ответил буквально следующее:

«Ну что читатель может порекомендовать читателю?! Не как аналитик, не как профессионал... Читать! Внимательно

следить за тем, что происходит. Читать! А, главное, как можно больше перечитывать! Потому что без перечитывания квалификация читательская пропадает, и он превращается в обыкновенного потребителя печатного слова. Читать и перечитывать – вот что я рекомендую! И получать от этого удовольствие, потому что без удовольствия не будет никакой пользы».

Более того – всякий настоящий, большой писатель требует правильного к себе подхода, правильного набора инструментов к своему творчеству, к его прочтению. Скажем, вышеупомянутый Владимир Набоков, которого категорически нельзя начинать с «Лолиты» Этого удивительно прекрасного, но непростого писателя надо открывать точным ключиком, а не лезть в его наследие с грубыми отмычками. Набокова, всю свою жизнь писавшего условный метароман «от А до Я», надо начинать читать совсем с другой барышни – не с «Лолиты», а с «Машеньки»!

Наконец, вернемся к той во всех смыслах замечательной книге произведений Аркадия Гайдара «Лесные братья» и завершим разговор о глубине русской литературы, о ее выдающейся сохраняющей, оберегающей нас от беспамятства роли. Что сегодня осталось от Гайдара в школьной программе? «Тимур и его команда», «Мальчиш-кибальчиш», «Чук и Гек», в лучшем случае еще – «Дальние страны» или «Школа»... А ведь Гайдар – это показательный пример писателя-«айсберга», точнее, его наследия-айсберга. И то, что мы сегодня видим в школьном учебнике – это даже не вершина, а лишь несколько снежинок на едва торчащей из воды вершине айсберга! Наследие Гайдара – это колосс, интересный и разнообразный. Да и сам Гайдар был писателем, на десятилетия опередившим свое время в искусстве.

Есть у него удивительная повесть «Всадники неприступных гор». Она написана в уникальном жанре, до этого в мировой литературе не существовавшем. Много позже, уже в кон-

це двадцатого века, голливудский кинорежиссер Дэвид Линч снимет в этом жанре несколько фильмов, которые принесут ему славу, а специалистам позволят родить термин, обозначающий этот жанр – психофуга – психогенная, или диссоциативная fuga. Это фильмы «Синий бархат», «Шоссе в никуда» и особенно – «Малхолланд драйв». Но что удивительно – родоначальником этого жанра был советский писатель Аркадий Гайдар со своими «Всадниками неприступных гор»!

Если говорить коротко и максимально просто, то психофуга – это два разноплановых сюжета в одном произведении, идущих не параллельно, не вытекающих один из другого, а удивительным образом сталкивающихся в середине. В психофуге сюжеты развиваются так $\rightarrow\leftarrow$, или так $\leftarrow\rightarrow$. Эту прелесть придумал прекрасный, глубокий, знаменитый, якобы так хорошо знакомый – но известный лишь на 10% своего богатейшего наследия русский писатель Аркадий Гайдар.

С каждым годом мы все меньше помним, а, главное – все меньше понимаем Гайдара и его эпоху. Пастернака и его время. Шукшина и его вехи. Довлатова и его период. Мы чувствуем эту стремительно растущую, непроглядно черную бездну между нашим собственным прошлым и нашим же настоящим, не говоря – будущим. Об этом ваш покорный слуга, родившийся в сентябре 1979-го, в день, когда началась для нашей (той!) страны Афганская кампания, написал как-то длинное стихотворение. Оно заканчивалось такими строфами:

Утраты цепко жизнь мою опутали,
Сопровождают неотступно, стойко.
Спасибо, Господи, за то, что трудно мне,
За то, что испытаний – столько,
За правого меня и виноватого,
Способного и помнить, и писать,
За тот сентябрь 79-го –
Тысячелетие назад.

ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ – именно с таким ощущением сегодня живут старшие поколения. Этот роковой рубеж тысячелетий наложил нестираемый отпечаток на наше мировосприятие. Впрочем, как показывает опыт русского беспамьяства, опыт великой русской литературы, многие десятилетия в одиночку этому беспамьяству противостоящей, не мы первые, не мы и последние. Об этом замечательно сказал потрясающий русский поэт Иван Елагин – практически совсем неизвестный на Родине. Приведем в сокращенном виде его стихотворение «Жил Диоген в бочке...»:

<...>Человек не бывает целым.
Человека на сто черепков
Время ломает сразу,
А потом в течение веков
Собирают его, как вазу.
Начнут собирать с осколка,
А этих осколков сколько?
<...>В пазухе темной ямы
Юность найдут мою.
Разве я – тот же самый –
В баре нью-йоркском пью?
Лихо бокалом звякая,
Празднично пью при свечах.
Со мною поэт – гуляка,
Бабник и весельчак.
Девочка из Боготы
Смеется за нашим столом,
И годы идут, как готы,
В снегу за ночным стеклом.
Звезды в бокалы капают,
Тонут в вине сиреневом,
И кто-то уже откапывает

Нас, занесенных временем...
Куда тебе, Диоген,
С твоею коптилкой зряшной!
Попробуй, найди мой день
Вчерашний иль позавчерашний, –
День, что уже прожит
И отбыл во тьму веков.
Кто же меня сложит,
Как вазу из черепков?

Самих себя мы рискуем расколотить на сотни черепков и вовеки не собрать, если отринем от себя наше грандиозное национальное наследие, наш величайший дар, воистину народное богатство – нашу литературу. Ибо чтение, как и деторождение – это способ самосохранения нации. Если мы, конечно, собираемся выжить...

Владимир Шамов
*писатель-сказочник,
вице-президент гуманитарно-просветительского
клуба «Зажги свечу»*

На память

На новогодние дни 2020 года выпала прекрасная доля: принять весь снег за скупые на него ноябрь и декабрь. Дорожки меж сугробов были похожи на окопы, политые потом дворников санатория «Березка», собравшего в свои старенькие корпуса юных литераторов новосибирцев.

Роль дедов Морозов в этом благостном промежутке сибирской зимы между Новым годом по старому и новому стилям с Рождеством посередке исполняли правдешные писатели. Один из них, Михаил Щукин, известный, знаменитый, редактор старейших «Сибирских огней», вернувший журналу былую содержательность, стоя в центре белого сугробного царства, вознес руки к небесам и произнес: «Вот это жизнь! Что еще надо?!» и стал читать «Белые снега» Евтушенко.

Тут и мое главное наставление к юным поэтам и прозаикам: радоваться жизни, подмечать, принимать душою благодать ее существования в сей момент, в сей точке на земле, что зовется Родиной.

Вспомнился мне прошлогодний ранний апрель. Глаз заметил вылезающий из-под земли, рядом с остатком сверкающе-

го и тающего на солнышке зимнего одеяла подснежник. Нежный. Трепетный. Положил около него руки на землю, чтобы согреть ее, помочь окрепнуть предвестнику новой жизни.

Хороша Сибирь. Отдельная планета. Все в ней есть, и все меняется. Ритм этот – сменный, с резкими перепадами от жары до лютого мороза – выковывал характер. И не нашли люди лучшего ему имени – нарекли, как говорится, по месту жительства – сибирским. Недаром помнит Россия, как в годы жесточайшей из войн пришли сибиряки под Москву и отстояли столицу.

Я вам рассказывал, что люблю ездить осенью на свою малую Родину – в Куйбышев. Триста километров выставочного зала природной картинной галереи. Краски – все разные и родные. Смотришь и умиляешься. Во время одной из таких поездок сложился у меня прямо в машине вот такой текст.

Заре навстречу

«Насколько многотруден, тяжел и непроходим был путь встреч солнцу русского народа, настолько ВЕЛИК и ИСТОРИЧЕСКИ ЗНАЧИМ сей подвиг народный. Двигаясь заре навстречу, приобрела Россия свою огромность, широту и великодержавность. Во время этого испытывающего волю движения и возникла двуглавость орлиная, гербовая, характерная, на бескрайних просторах обжилась вера православная. И со времен тех давних, и вовеки веков будут русскими – вольная ширь и богатства несметные, пределов которым нет как открытым, так и ждущим своего часа, своих героев. И они вновь явятся в русском народе, ибо подвиг предков ни есть старина обветшала, а суть духа народного, фундамент характера и силушки, как физической, так и нравственной. Скрепой же меж временами и поколениями является память. Сбережение ее и есть главная миссия людей, всем сердцем любящих Русь Великую.

Мысль такая простая приходит в голову людям, выходя-

щим на встречу с природою родною, подставляющим душу под ветра вольные, настраивающие на мечту и дела добрые, богатырские. Особенно трогают ветры буйные души юные, светлые, чистые. И важно, чтобы рядом с юностью в поход шли волхвы мудрые, испытавшие уже волю свою в служении Отчизне, обогатившие разум свой великим знанием. И неважно тут, в каких одеждах мудрецы сии – напоминающих волховскую суть или соответствующих временам сегодняшним, лишь бы душа их хранила в себе русскую традицию, русский дух.

Великий поход встречь солнцу, свету и разуму продолжается – бесконечен он, ибо на дорогу жизни выходят вновь нарожденные поколения».

Занес я те слова, подсказанные родной землей, на обложку «Сузунских подружек». Природа и мы – родня. Родня кровная.

Как-то раздумывал я, как поздравить друга своего с днем рождения. Того самого, что читал стихи снегам о снегах и вам рассказывал о Зазубрине и зазубринах жизненных. Выручил меня подсказкой уголок у дачной дорожки. Шел я с электрички, да пришлось остановиться. И вот какой текст наговорила мне сердцу милая тропинка:

«Родившиеся и подросшие на пруду утки в беспорядочном порядке бороздили зеленую ряску, густо застлавшую водную гладь. Исчерченный прямыми линиями, украшенный задержавшимися на ряске красными, багровыми, желтыми листьями, упавшими с окруживших деревьев, пруд с трудом просыпался. Клены, рябины, тополя, ивы обступили, задержавшуюся перед стальной магистралью влагу, подпитываемую донными ключами. Они отгородили тихую утиную гавань от стремительно мчащихся по рельсам, уложенным на бетонные шпалы, поездов. Почтовых и скорых, грузовых и многоглазых электричек, словно создавая крохотную тайну природы, уютное гнездо удовольствия для бредущих мимо дачников.

Вот и я остановился у пруда – поговорить с готовящейся к отлету утиной семьей, чтобы передать привет в теплые

края, поразмышлять над трудностями предстоящего перелета. Водная поверхность здесь была очищена от ряски то ли прохладным ветерком, то ли бесконечными маневрами уток, подплывающих к берегу, чтобы принять подарки от дачников. Мужчин, женщин, ребятишек, приносящих сюда хлеб, чтобы побаловать своих любимиц, охраняемых красавцем селезнем. Он быстрее всех носился по поверхности пруда у самого берега, то и дело запрещая уточкам выбираться на землю.

На противоположном берегу стоял могучий тополь. Он был почти мертв. Его старые, громадные, но высохшие ветки безжизненно свисали над прудом. Длинные и огромные, даже при всей своей сухости и чувствовавшемся скором неизбежном падении в воду восхищали своей мощью. Таких некогда зеленых рук у тополя я насчитал около десятка – как сильны они были когда-то, как укрывали пруд от яркого солнца, как привлекали к нему птиц. А сегодня на необхватном стволе великана только от самой вершины тянулись в небо молодые слабые веточки.

– «Борешься, брат, за жизнь? Не хочется покидать этот прекрасный мир?» – спросил я у тополя.

Не обиделся увядающий исполин, заметив мои седины и трость в руке, только заскрипел старчески, сопротивляясь порыву ветра.

– «Что же, будем вместе скрипеть» – улыбнулся я.

С тех пор, проходя мимо пруда, я здороваюсь с тополем, как со старым другом, с погодкой, с одноклассником. Понимаю его настроение и надеюсь, что молодыми веточками мы еще порадуем сей мир».

Догадались, к чему это я? Конечно. На память о нашей встрече. Может, вспомните, о чем говорил. А, может быть, и напишете о родной земле и людях, на ней родившихся, здесь влюбившихся, тут и приготившихся.

Ваш веселый, толстый белобородый гость Владимир Шамов.

Игорь Корниенко
писатель

**«Зазубринки» – «Пятнадцатилетние капитаны»
молодой литературы**
(Заметки на полях)

Юный возраст диктует свои темы для историй. Молодой автор делает первые шаги в литературе, отталкиваясь в большей степени от мира своих увлечений, любимых сериалов, фильмов, книг... Нормально и объяснимо копирование, подражание своим кумирам, фанфики... «Перепев» известных литературных хитов. Оттого ценней молодой автор со своим миром и словом. Встреча с самородком радостна и удивительна. Пятнадцатилетние капитаны (а возраст юных прозаиков, участников литкурсов, был и того меньше, от 13(!) лет) крепко держат штурвал своей истории. Пусть пока не так глубок сюжет, не прописаны диалоги и персонажи, ощущается энергия и большое желание высказаться, рассказать свою историю.

Небольшой по объему и масштабный по содержанию рассказ «Инопланетянин» Владислава Никулина отсылает нас к

110

исследованию личности, самого себя как Космоса, Вселенной... Что есть Человек как не целая Вселенная?... Кто мы на планете Земля? И эти вопросы из всего лишь миниатюрной истории начинающего автора.

Фируза Крумбова 15 лет (Барабинск) в рассказе «Победитель» касается взрослых тем – дружба, предательство, национальность... развал Союза. Делится своими выводами, выходом из положения героев. Дает героям второй шанс...

О ценности дружбы, только теперь уже на примере братьев наших меньших, пойдет речь в другом рассказе Фирузы «Комета». Преданность автора вечным темам подкупает, как и подкупает искренний мир детства в истории другого, самого молодого автора курсов, тринадцатилетней Титовой Анастасии «Главный принцип», это погружение, а для кого-то возвращение в прошлое, в невинность и таинство детства, неохотного взросления, погружение в мир чудес... Чудеса продолжают и в других тестах Анастасии в другом уже, совсем нереальном мире фантазии...

В мир фантазии погружают читателя работы Ангелины Кузьминой, Виктории Гринимаер (у Виктории этот мир окрашен темными тонами), Анжелики Ватутиной, Кристины Стебиной и Софьи Щепетовой.

Молодое поколение выбирает сказочный мир, добровольный уход от реальности, с которой придется столкнуться. Как сталкивается с ней герой Ивана Филиппова из рассказа «Прогоулка».

Юные прозаики смело поднимают вопросы существования человечества, жизни и смерти. Политики и власти. И, конечно же, их волнует непроходящая тема любви и взаимоотношений двух половинок...

Приятным удивлением стало знакомство с документальными историями от семнадцатилетнего новосибирца Георгия Редкозубова, налицо увлечение историей своей семьи – очерк «Как рождалась легенда нашего рода», современной историей

города – «Восхищение», историей страны – «Жажда справедливости».

За каждой историей, пусть не всегда умело рассказанной, за каждым автором литкурса – история, новая история настоящего и будущего!..

Хочется лишь пожелать новым авторам смелости в выборе тем, смелости в словах, смелости в высказывании чувств! Идти вперед, пробуя, экспериментируя, пропагандируя доброе, светлое, вечное!.. Всегда с улыбкой и радостью от выбранного нелегкого пути в литературу!

Спасибо организатором литературных курсов имени

В. Я. Зазубрина, особое – Новосибирской областной юношеской библиотеке и редакции журнала «Сибирские огни», спасибо всем участникам за их откровенно искренний интерес, любовь к литературе и возможность окунуться в их мир, мир чудес, где все еще только начинается! Спасибо, и до новых встреч в океане идей и воплощения, на волнах литературы.

Работы победителей конкурса

В номинации «Поэзия»

Софья Василец

г. Новосибирск

Тучи в Сочи

В Сочи тучи. Тучи. В Сочи!
Гаснет вспышка, вновь сверкает.
Смена стала днем короче,
Я в больнице прозябаю

За стеклом. Таким бесплотным
Кажется оно. Рука
Каплю хочет лишь потрогать,
Но касается стекла.

Ветер сносит крышу пальмы.
Почему мне не снесет?
Голову под дождь подставить
В Сочи мне не повезет.

По дороге ходят люди.
Ходят? Нет, скорей бегут.
Красоту и радость бури
Эти люди не поймут.

Вспышка. Грохот. Раз-два-три.
Осветили этой ночью
Уж не звезды фонари.
Тучи в Сочи, тучи в Сочи!

* * *

Ходит зима за замерзшими стеклами,
Днями бушует чертовка-метелица.
Люди уставшие, сидя под окнами,
Пишут отчеты недели и месяцы.
Следом весна. Аккуратно и бережно
Солнца подарки разносит по городу.
Городу тратить дары эти не на что –
Требуется денег, не чувствуя холода.
Лето! Любимое, теплое, дивное!
Детская радость наполнила улицы.
Взрослому чужды сезоны ленивые,
Ведь безработица хуже работицы.
Осени шелест сменяется грозами,
Дождь барабанит по крышам усерднее.
Мозг работяги туманится грезами:
Премию ждет, дождь не слышит, наверное.
Год пролетает за годом, невидимый
Глазу простому, в бумаге зарытому.
В офисе мрачном окна не заметим мы
Зря: по ту сторону – время забытое.

Что спасает систему образования

Мне кажется порою, школы строят
Для роботов, не для детей.
Скажите мне, вы будете с охотой
Учить по семь предметов пять-шесть дней?
Нет-нет, не против мы учиться дальше
Тому, что интересней нам.
Подумай сам, как пригодится страшная
Тригонометрия докторам?
А будущему тренеру история
Поможет дальше мяч пинать?
Всю прелесть в России обучения
Мне не понять, мне не понять.

Однако в беспросветном мраке школы
Есть то, что радует в печали дни.
У нас есть, например, большая территория,
Есть стенды о реалиях войны.

Еще гордимся мы музеем нашим:
Народные костюмы – красота.
После контрольной важной
В столовой булка успокоит нас всегда.

Помимо этого, в школьной атмосфере
Находим мы наставников, друзей.
Итог: образования систему
Спасают люди, булки и музей.

Грейте котов!

Палящие лучики жаркого солнца
Шерстку животных сильнее нагревают.
Как только один по их телу пройдет,
О радости общей они вспоминают.
Лету ура! Ведь оно возвратилось,
И будто проблемы пропали у кошек.
Не нужно в подвале противном ютиться –
Ведь дарит тепло солнце всем понемножку.
И будто бы люди стали добрее,
Наверное, лето сердца растопило.
Чуть меньше пинков, оскорблений, насилия.
Неужто Господь существ тех помиловал?
Но только уж скоро закончится лето,
Проблемы котов вновь накроют волной.
Да и сейчас только тело согрето,
А что лету сделать с замерзшей душой?
Люди, вы приглядитесь к котам:
Их души согреть кому, как не вам?

Екатерина Богданова

г. Искитим

У моря

Мы будем, наверное, жить у моря,
На завтрак лопать ириски с чаем.
О чем-то важном ночами спорить.
Не верить в нарочное, верить в случайное.

Мы будем смеяться друг другу в уши,
Дышать полусонно, зевать как кошки.
В своих ладонях храню твою душу –
Всю жизнь собирала ее по крошкам.

Ты выучишься рисовать, как Пабло.
Я куплю себе шляпу, трость и подтяжки.
Мы будем врываться в музеи нагло,
Смотреть картины, слагать свои сказки

О том, что те двое живут у моря,
Считают звезды и днем и ночью,
Смеются звонко, галдят, тараторят,
Читают, кричат и поют свои строчки.

Мы скажем друг другу тысячи, миллионы
Тихих и громких, маленьких и больших.
А я их все соберу во флаконы
И напишу еще один стих...

Чтоб

Чтоб ни одной замахнувшейся руки,
Ни одного повышенного голоса,
Вместо губ – сжатые кулаки,
Вместо бровей – рваные лесополосы.

Чтобы удар – и весь земной шар разлетелся вдребезги,
Чтоб только вздох – и взрывались мозги!
Со стороны – ни капли злости или дерзости,
Всяческой пакости, мерзости, мелюзги.

Чтоб слово молвил – и весь белый свет прислушивался,
Чтобы и ты слушал каждый мой вдох и выдох.
Чтоб наш с тобой драгоценный мир не разрушился,
Наш огромный, гигантский, но маленький с виду.

Чтоб сделал шаг – и сразу напротив родного берега,
Чтобы обнял – и как сквозь мясорубку диафрагма,
Чтоб вена шире пролива Берингова,
А лезвием вдоль – и хлынула магма...

Закопай

(Антуанетте)

Закопай меня в декабре
Под холодным и грязным снегом.
Я весною к тебе вернусь
На бумажном своем корабле.

Закопай меня в декабре,
Попрощайся со мной ненадолго.
Я тебе расскажу потом,
Как трава ночевала со мной.

Закопай меня в декабре.
По-другому я не смогу
Пережить этот мертвый плен.
Лучше спать этой долгой зимой.

Закопай меня в декабре.
Ах, мой маленький верный друг!
Когда снова тебя я увижу?
Твои волосы снега белее.

Закопай меня в декабре.
Я насквозь пропахла слезами.
Я сюда не вернусь до весны.
Ты лишь только не забывай...

Закопай меня в декабре.
Только помни, как я тебе пела,
Как сжимала теплую руку.
В декабре меня закопай...

В номинации «Проза»

Владислав Никулин

Инопланетянин

Исправленный рассказ

Однажды я увидел инопланетянина. Живого, самого настоящего инопланетянина. Увидел столь же отчетливо, как верхнюю строчку таблицы окулиста.

Я увидел его, а он увидел меня, и трудно было сказать, кто удивился сильнее. Ведь для инопланетянина я тоже был инопланетянином... Ну, наверное. Кто его знает? Так мы стояли, зарывшись в вопрос, и смотрели друг на друга, а первого контакта цивилизаций все не происходило. Странно.

«Почему он молчит?» – гадал я, осматривая пришельца. Две ноги, две руки, одна голова – все как у людей. Черный деловой костюм сидел бы хорошо... если сидел бы на ком-то другом. А сейчас он больше напоминал скомканную бумажку, на которую наступили. Но вот ирония: наступили на бумажку, а раздавленным выглядел Инопланетянин. В мешки под его глазами можно было собрать хороший урожай картошки, а за-

тянутому на шее галстуку не хватало только мыла с табуреткой для полноты образа. Обыкновенный школьник, ни дать ни взять. Даже портфель был, хоть и без одной лямки...

Но я-то знал, кто он. Глаза выдавали его лучше любых когтей, щупалец и лишних конечностей. В них отражался другой мир. Даже не мир. Миры, которые я осмелился считать. Моря там цвели рассветами, а небеса обжигали закатами. В них змей кусал собственный хвост, огонь возрождался из пепла, а смерть приносила жизнь. Драконы жгли города, ангелы гнали демонов, а боги спускались на землю. Тысячи звезд и планет тонули в его зрачках, когда миллионы всплывали на поверхность. Там, в сверкающем вихре комет зарождались галактики и схлопывались вселенные, заставляя поверить в чудо. Поверить раз и навсегда. По-настоящему. И я поверил. Застыл змеей перед факиром с другой планеты. И мог простоять бы вечность...

Но раздался звонок. Противный и такой резкий, он зазвенел на всю улицу, вспугнув ближайших прохожих. Я опустил взгляд и поднял трубку, продолжив свой путь. Гравитация вернула меня обратно на Землю. Я ушел, даже не оглянувшись.

Матовая гладь поверхности дрогнула, и отражение в стеклянной витрине пропало, как только я сделал шаг. Мы вновь разминулись. Я снова его потерял...

В номинации «Слэм»

Аркадий Забелин

г. Новосибирск

Земные страсти

Зимой твое тепло меня все время грело,
И аромат прекрасный твой
Манил к тебе мое живое тело,
Морозы превращая в летний зной.

Да, ты продажна, да, с другими часто,
Но каждый миг, что мы вдвоем,
Тебя я поглощаю страстно –
Не важно, ночью или днем.

Ты – это сладкий аромат апреля.
Ты – миру незаслуженно дана.
Ты можешь опьянять без хмеля –
Моя родная шаурма!

Еж

Еж безумно хочет спать,
Ежику на все плевать –
На иголки из спины
И на звук из-за стены.

Еж безумно хочет спать,
А еще еж хочет знать:
Если Аня – это Анна.
Почему Иван – не Ванна?

Ночью в час он брал словарь,
Правда, час искал фонарь.
В три часа звонил он другу –
У ежа нет больше друга.

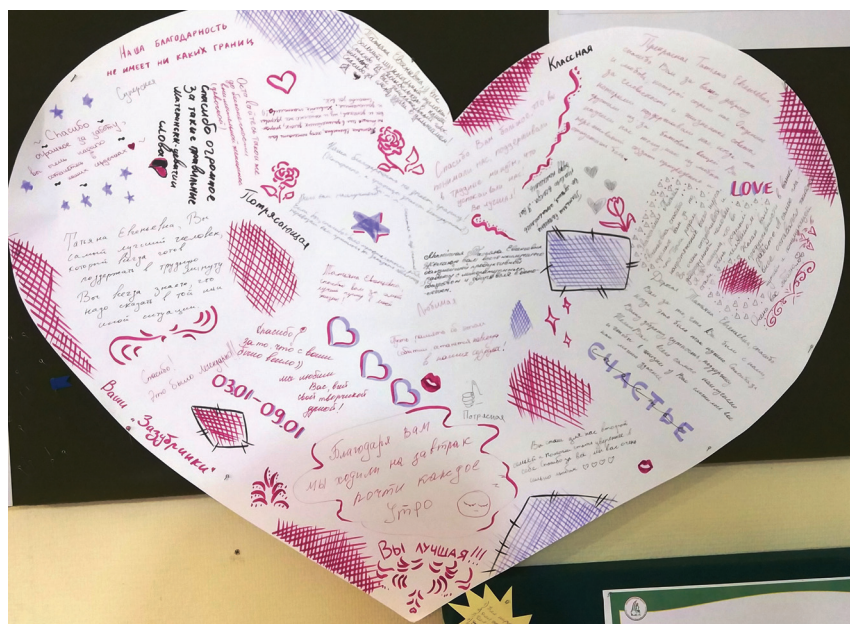
Он порвал в зевоте рот
И почти заснул, но вот
В озаренье в пять утра
Разбудил он полдвора.

Ну, не может ежик спать,
Если ежик хочет знать,
Почему Иван – не Ванна,
Если Аня – это Анна.

Мрак

Упал и созерцаю пустоту.
Нет ни луны, ни звезд, а только бездна.
Поставить бы большой фонарь тому,
Кто лампочку ворует из подъезда.

Отзывы ребят о проекте

* * *

Результаты проекта превзошли наши ожидания. Мы рады, что нам удалось вовлечь ребят в сложную и кропотливую работу над текстами и что вызвали их любопытство к сибирской литературе. Для наглядности мы разместили некоторые отзывы ребят.

* * *

Это было невероятное время. Я всегда мечтала побывать на таком мероприятии. К счастью, кто-то наконец занялся литературой, ибо таких организаций в нашем городе очень мало.

Благодаря курсам я обрела замечательную компанию, с которой (я уверена) мы еще не раз соберемся снова. Очень жаль расставаться с уже ставшими для нас семьей преподавателями, надеюсь, что мы увидимся снова.

* * *

Литкурсы имени Зазубрина дали мне огромное количество новых знаний, действительно важных новых знакомств. Они дали мне выйти за рамки зоны своего комфорта. Приблизили меня к людям, чье творчество я очень ценю.

За время пребывания в лагере мы смогли сблизиться с товарищами по творчеству, обсудить волнующие нас вещи.

Самое главное, что это было и приятно, и полезно для всех нас и дало нам бесценный опыт.

* * *

Это так замечательно, что появились литературные курсы имени В. Зазубрина. Здесь можно получить действительно бесценный опыт, как в сфере писательства, так и в сфере литературы.

Писателя (преподаватели, и не только) лично меня подняли на новый уровень. Эти люди не только учили, но и вдохновля-

ли на работу и старания. Благодаря курсам я четко поняла, что хочу продолжать писательскую деятельность, и теперь четко знаю свое направление. Эти курсы даже интересны из-за общения с образованными, уважаемыми людьми, находящимися здесь. Мне очень не хочется расставаться с ними. Если бы была возможность, я бы продолжала ходить. Лагерь – это отличная идея, в которой можно максимально сблизиться с литературой и преподавателями. Я бы для себя выделила четырех очень достойных людей, по которым я очень сильно буду скучать. (Корниенко, Прашкевич, Кузин и Кармалита). Мне очень сильно будет не хватать этих курсов.

* * *

В целом курсы очень полезные. Безусловно, определенный опыт из них я извлек: обогатил свои знания, улучшил свою речь и язык, ну и, конечно, попробовал себя в качестве писателя. Было очень интересно и познавательно.

Особенно хочу отметить атмосферу занятий, на которых приветствовалось «живое» общение. Спасибо отдельное всем лекторам, которые занимались нами, доносили знания, а также критиковали.

То, что хотел достичь, благодаря курсам я достиг. Получил большой опыт, даже в какой-то степени развился в плане личности.

* * *

Литкурсы научили меня не просто любить литературу, а обожать ее всем своим телом. Благодаря проекту, мне захотелось, наконец-то захотелось, читать литературу всех времен и направлений, а также стала интересна биография поэтов. Меня научили легко воспринимать жизненные побои, выучить грамматику и пунктуацию. Также мне, как выяснилось, не хватало смелости выступать перед обученной публикой. И пусть

все это будет несколько банально, но если бы не литературные курсы имени В. Зазубрина, я бы не начала новую жизнь 3 января 2020 года. 21 марта приеду со стихотворениями, если не поэмой всему проекту и поэтам.

* * *

Единственное, о чем я жалею сейчас, после прохождения через огонь, воду и медные трубы литературных курсов, это о том, что они заканчиваются. Это прекрасное мероприятие познакомило его участников друг с другом, помогло узнать, какие люди вот-вот готовятся войти в мир литературы, что было очень интересно и важно для меня. Но еще интереснее было познакомиться с нашими мэтрами, гуру прозы и поэзии. Это действительно бесценный опыт, даже если не считать того объема знаний, полученных на практических занятиях и лекциях.

Я искренне надеюсь, что проект «Литературные курсы имени В. Зазубрина» на этом не закончится и в дальнейшем будет только набирать обороты.

* * *

Литературные курсы имени Зазубрина дали мне бесценные знания, которые, безусловно, мне пригодятся в будущем. Лично я считаю, что этот проект является шикарным стартом в жизни молодых литераторов. Ведь важно, нет, бесценно важно, готовить и выращивать литературное будущее России.

* * *

Благодаря этому проекту, я стал гораздо лучше писать стихи. Мне помогли найти слабые места в моей поэзии, но главное – мне помогли их исправить. Огромное спасибо всем кураторам зазубринских курсов.

* * *

Мне очень понравились «Литкурсы», ведь именно здесь я завела много друзей и знакомых, которые занимаются литературой. Я узнала много интересного и поучительного, того, что мне пригодится в дальнейшем. Курсы мне дали большой толчок для писательства. Если какой-то мой друг будет заниматься литературой, я посоветую ему эти курсы, точнее посоветовала, ведь потом их не будет...

* * *

Молодежные курсы имени В. Зазубрина – очень полезная для меня, да и, думаю, для всех, кто здесь присутствовал, школа жизни, на которой каждый вынесет для себя что-то новое. Много новых знакомств, профессиональная оценка написанных мною произведений. Именно это и многое другое дали мне курсы. Спасибо всем, кто принял участие в организации данных курсов. Ничуть не жалею, что подал заявку сюда.

* * *

Я считаю, что литературные курсы и также лагерь были актуальны, как никогда. Могу сказать следующее, это отличный и достойный проект, мне очень понравилось, это событие – одно из лучших за год. Помимо того, новые друзья, знания и бесценный опыт никогда не помешают в большом творческом пути. А что касается лагеря, это было прекрасно, мне все понравилось. Из минусов всего один – не совсем много свободного времени. В целом могу сказать, это того стоило, я счастлив, что прошел этот путь и время.

* * *

Литературные курсы имени В. Зазубрина открыли новый мир с яркими событиями, знакомствами и произведениями. Большое спасибо всем кураторам (особенно Дмитрию Рябову), приезжающим преподавателям, которые давали новую ин-

формацию и вдохновляли писать дальше. Благодаря занятиям, я стала писать раз в пять чаще и лучше (субъективно). Здесь я познакомилась с единомышленниками, которые действительно стали для меня верными товарищами, познакомилась с их творчеством. Думаю, мы будем собираться после окончания проекта (уже есть планы). Спасибо за эту яркую страницу в нашей жизни. Еще увидимся.

Р. S. Если будет второй поток, возьмите меня на прозу.

* * *

Я был на курсах, и мне очень понравилось. Нас поили горячим чаем, и мы учились писать стихи. Павел Куравский и Мария Дубиковская, они лучшие наши кураторы.

Третьего января мы поехали в санаторий, там мы продолжали курсы, потом я как-то в середине заезда познакомился с командой танцоров, очень было круто, я раньше ходил на русские народные танцы, поэтому я поддерживаю общение с ребятами-танцорами и, конечно, больше всего времени провожу с нашими ребятами. Хочу сказать спасибо Игорю Корниенко, Марии Дубковской, Павлу Куравскому, Кристине Кармалите, Дмитрию Рябову, которые были с нами на протяжении всех наших курсов.

Вы лучшие. Я вас люблю, и буду скучать.

* * *

Курсы имени Зазубрина дают много возможностей, знаний. Большое спасибо преподавателям за подробные разборы произведений и полезные советы. Ребята с курсов, организаторы и преподаватели останутся надолго в моем сердце и будут согревать его приятными воспоминаниями.

* * *

Литературные курсы имени В. Зазубрина мне очень сильно понравились. Было полезно познакомиться и перенять опыт

у состоявшихся писателей и других людей. Уровень писательства повысился, взгляд на свои произведения изменился. Учителя многое рассказали, что в будущем поможет мне при создании работы.

Думаю, это прекрасный проект, и я сильно рада, что в нем смогла поучаствовать. Наставники добрые, отзывчивые, но в то же время в меру строгие. Спасибо огромное за их труд.

* * *

Молодежные литературные курсы имени Зазубрина – отличный способ для развития новых талантов. На курсах нам представилась действительно замечательная возможность получить новые знания и навыки, которые так необходимы начинающим авторам.

На литературных курсах мы познакомились с разными интересными людьми, узнали о современных авторах, а также об авторах прошлого и истории Новосибирской области. Также время, проведенное здесь, дало нам возможность узнать, что есть много юных писателей, которые, как и мы, хотят совершенствоваться, помогло найти новых друзей и погрузиться в атмосферу творчества.

Если бы меня пригласили на подобные занятия еще раз, то я с удовольствием бы согласилась.

* * *

Впечатления от литкурсов в лагере «Березка» остались только самые положительные. Приятно знать, что в нашем городе Новосибирске есть такие мероприятия и что они финансируются государством.

Вся лагерная программа была насыщена интересными мероприятиями, например встречи с новосибирскими писателями, слэмы, а также лекции по литературе, ораторскому мастерству и многое другое. Здесь я приобрел интересный опыт

погружения в литературную среду, познакомился с множеством интересных людей – в общем, зимние каникулы были проведены с пользой. Кроме того, было много забавных историй, связанных с лагерной жизнью, которые я запомню надолго и буду вспоминать о них с радостью.

Еще очень понравилось, что вся обстановка на литкурсах была непринужденной, то есть не было жесткого контроля над всеми учениками.

* * *

Курсы имени В. Зазубрина положительно влияют на творческий рост поэта и прозаика.

На этих курсах я научилась многому, начиная с техники написания стихотворения, заканчивая и видами.

Опыт преподавателей, их рассказы о своем и чужом творчестве благоприятно повлияли на мое мировоззрение на литературу. Истории преподавателей сподвигли меня развивать в себе это творческое начало.

* * *

Появление этого проекта мне очень понравилось. Я сроднился с коллективом, познакомился со многими ребятами и писателями, узнал много нового о Новосибирске и его литературе. Сам санаторий тоже порадовал, а особенно многоразовое питание. Огромное спасибо за такую возможность.

* * *

Во время пребывания в лагере «Березка» на молодежных литкурсах имени В. Зазубрина меня все устроило. Больше всего мне понравились: разные мероприятия, слэмы. Самое главное, что в этом лагере было все полезно. Особенно мне понравилось то, что были отличные кураторы и преподаватели – Кристина Кармалита, Владимир Рябов.

* * *

Спасибо за незабываемую неделю молодежных литературных курсов имени В. Зазубрина.

Неделя новых знаний, встреч, увлекательных, поучительных семинаров и выступлений.

Спасибо организаторам, областной юношеской библиотеке, ее внимательному руководству. Спасибо педагогам и журналу «Сибирские огни». Больше подобных встреч, мероприятий, что оставляют след на всю жизнь! Вдохновляющие на новые рассказы, новые стихи! СПАСИБО!

ОТЗЫВЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

Павел Куравский

Первые в истории новой сибирской литературы – первые с советского времени литературные курсы «Зазубринки» имени классика сибирской литературы Владимира Зазубрина – на мой взгляд, прошли великолепно. Ребята, пишущие прозу и стихи, в возрасте от 13 до 18 лет, имели возможность профессионально разобрать свои тексты вместе со старшими товарищами; получили удивительные встречи с нашими замечательными мэтрами – писателями Геннадием Прашкевичем, Владимиром Шамовым, Михаилом Щукиным и многими другими; для ребят были проведены мастер-классы по сценической речи, увлекательные психологические тесты, познавательные лекции по теории литературы, по истории сибирской и русской литературы. Ребята сами делали остроумные стенгазеты, выполняли другие развивающие задания.

Убежден, что такой литсеминар, такие курсы должны продолжать жить и развиваться! Организаторам необходимо проанализировать все положительные и отрицательные стороны прошедшего мероприятия для улучшения программы. В частности, как куратор и преподаватель со своей стороны выскажу мнение: надо несколько менее формально подходить к семи-

нарам и разборам текстов ребят; надо еще больше внимания уделять совместной с ребятами работе над их текстами; необходимо больше неформального общения юных дарований со старшими товарищами: спортивные и интеллектуальные игры, а также совместные чтения вслух очень сплачивают всех участников литкурсов.

Приложу все усилия к тому, чтобы проект стал постоянным и долгоиграющим.

Л. Н. Подистова

Для меня участие в таких мероприятиях – дело новое. Приятно было, что на Конференцию собрались вдумчивые, заинтересованные ребята с интересными текстами, настроенные на серьезную работу. Главными мероприятиями, конечно, были семинары, где мы разбирали произведения молодых авторов. Кроме этого, ребята еще учились произносить свои тексты публике на слэмах, что тоже было полезно. Очень полезным было знакомство с новосибирской литературой, начиная с истории журнала «Сибирские огни», ЛИТО Ильи Фонякова и заканчивая встречей с современными авторами.

Т. С. Куравская

В наши дни подобного рода мероприятия – исключительная редкость. «Зазубринки» оказали огромное влияние на ребят, которые проходят курсы. Очень важным фактором является то, что юным авторам дают: возможность поделиться своим творчеством, получить ценные рекомендации и конструктивную критику, импульс для дальнейшего развития и ослабления своего творчества и его причастности к развитию современной литературы.

Ребята менялись прямо на глазах во время поездки в лагерь. Смена обстановки, новый круг общения (при этом с ребятами, у которых схожие интересы), новые знания и изменение взглядов на свой литературный опыт – все это, несомненно, оставит глубокий след в душе и сознании.

Проект нужно и важно поддерживать и продолжать.

Альманах
Творческий социальный проект
«Сибирские молодежные литературные курсы
имени В. Я. Зазубрина»

Содержание

Татьяна Евгеньевна Сеницына. «Литературная школа – выход на новый уровень». Творческий социальный проект «Сибирские молодежные литературные курсы имени В. Я. Зазубрина» 3

**«Зубры» и «Зазубринки». Советы и впечатления
сибирских литераторов**

Впечатления сибирских литераторов

Интервью со специалистами журнала «Сибирские огни»: писателем, редактором журнала **Михаилом Щукиным**; поэтом, редактором отдела общественно-политической жизни журнала **Дмитрием Рябовым** 22

Геннадий Прашкевич. Воспоминания о будущем 29

Советы сибирских литераторов

Анатолий Шалин. Основные принципы художественного литературного творчества 35

Василий Кузин. О способах восприятия искусства 43

Лариса Подистова. В здоровом тексте – здоровый дух! ... 60

Наталья Ласкина. Чего ждать от новой литературы: взгляд литературоведа. 66

Вячеслав Шалыгин. Для участников проекта «Молодёжные литературные курсы имени В.Я. Зазубрина» 72

Евгений Бабилов. Об искусстве жить поэтом 77

Мария Дубиковская. Что такое хорошо и что такое плохо (мануал начинающего поэта в вопросах и ответах)	81
Павел Куравский. Чтение как способ самосохранения нации ..	88
Владимир Шамов. На память	106
Игорь Корниенко. «Зазубринки» – «Пятнадцатилетние капитаны» молодой литературы (Заметки на полях)	110

Работы победителей конкурса

В номинации «Поэзия»

Софья Василец (г.Новосибирск)	
Тучи в Сочи	114
«Ходит зима за замёрзшими стёклами...»	115
Что спасает систему образования	116
Грейте котов!	117
Екатерина Богданова (г. Искитим)	
У моря	118
Чтоб	119
Закопай (Антуанетте)	120

В номинации «Проза»

Владислав Никулин. Инопланетянин	121
---	-----

В номинации «Слэм»

Аркадий Забелин (г. Новосибирск)	
Земные страсти	123
Ёж	124
Мрак	124
Отзывы ребят о проекте	125

Отзывы преподавателей

Павел Куравский	134
Л. Н. Подистова	135
Т. С. Куравская	136

